

A detailed illustration of a medieval knight in full plate armor, including a helmet with a gold leaf crest and a chainmail aventail. The knight holds a sword with a blade covered in blood. The background features a landscape with a ruined castle on a hill, a cloudy sky with birds, and falling leaves.

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ

ВРАГ БОЖИЙ

Сага о короле Артуре

Бернард Корнуэлл

Враг божий

«Азбука-Аттикус»

1996

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Корнуэлл Б.

Враг божий / Б. Корнуэлл — «Азбука-Аттикус», 1996 — (Сага о короле Артуре)

ISBN 978-5-389-13786-8

Великий король Артур, непобедимый вождь бриттов, успешно противостоял завоевателям-саксам, учредил рыцарский орден Круглого стола, за которым все были равны между собой. И пусть историческая правда погребена в той давней эпохе больших перемен, великого переселения народов и стремительно зарождающихся и исчезающих царств, завеса прошлого приоткрывается перед нами силой писательского таланта Бернарда Корнуэлла. Британия VI века. Артур, незаконный сын верховного короля Утера, добивается объединения разрозненных королевств бриттов, чтобы совместными усилиями выгнать захватчиков с родной земли. После победы в Лугг-Вейле мечта Артура близка к воплощению, но его планы разрушает предательство непомерно честолюбивой жены Гвиневеры и близкого друга Ланселота. Однако дух вождя бриттов, прозванного Врагом Божьим, не так-то легко сломить. Второй роман из трилогии о легендарном короле-полководце Артуре, проникнутый духом подлинной Истории.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-13786-8

© Корнуэлл Б., 1996
© Азбука-Аттикус, 1996

Содержание

Предисловие	6
Действующие лица	7
Место действия	9
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	28
Глава 3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Бернард Корнуэлл

Враг божий

Bernard Cornwell

ENEMY OF GOD

Copyright © 1996 by Bernard Cornwell

All rights reserved

Карта выполнена Юлией Каташинской

© Е. Доброхотова-Майкова, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Сьюзен Уотт – той единственной, кому «Враг Божий» обязан своим появлением на свет

Предисловие

«Враг Божий» – второй роман трилогии. Он рассказывает о событиях, следующих непосредственно за описанными в «Короле Зимы». В первой книге умирает Утер, король Думнонии и верховный правитель Британии. Ему наследует малолетний внук Мордред. Артур, незаконный сын Утера, назначенный одним из опекунов Мордреда, со временем становится главным регентом. Артур намерен выполнить данную Утеру клятву, чтобы Мордред, достигнув совершеннолетия, занял трон Думнонии.

Артур также намерен принести мир воюющим королевствам бриттов. Главный враг Думнонии – Повис, но когда Артуру предлагают в жены Кайнвин, дочь повисского короля, возникает надежда на примирение. Однако Артур убегает с бесприданницей Гвиневерой. Оскорбление, нанесенное Кайнвин, приводит к многолетней войне. Артур кладет ей конец, разбив повисского короля Горфиддида в битве при Лугг-Вейле. Трон Повиса переходит к Кунегласу, брату Кайнвин, который, как и Артур, хочет примирить бриттов, чтобы вместе сражаться против захватчиков-саксов.

В «Короле Зимы», как и во «Враге Божьем», рассказ идет от лица Дерфеля, раба-сакса, воспитанного в доме Мерлина и ставшего одним из воинов Артура. Артур отправляет Дерфеля в Арморику (нынешняя Бретань), где тот ведет безнадежную войну, защищая Беноик от завоевателей-франков. Вместе с другими из Беноика в Британию бежит Ланселот, сын беноикского короля. Артур хочет женить его на Кайнвин и посадить на трон Силурии. В Кайнвин влюблен Дерфель.

Еще Дерфель любит Нимуэ, подругу своих детских игр, а ныне – помощницу и возлюбленную Мерлина. Мерлин – друид и возглавляет тех бриттов, которые мечтают возродить в Британии старую религию. Ради этого он ищет волшебный котел, одно из Тринадцати Сокровищ Британии. В глазах Мерлина и Нимуэ найти котел куда важнее, чем защитить земли от врагов. Мерлину противостоят христиане; один из их предводителей – епископ Сэнсам, который утратил немалую часть своего влияния, выступив против Гвиневеры. Теперь опальный Сэнсам – настоятель монастыря Священного Терновника на острове Инис-Видрин (Гластон-бери).

«Король Зимы» заканчивается победой, которую Артур одерживает в Лугг-Вейле. Власти Мордреда ничто не угрожает, все королевства Южной Британии заодно, и Артур, пусть сам и не король, их бесспорный вождь.

Действующие лица

Агрикола – гвентский полководец, который служит королю Тевдрику
Ада – возлюбленная Ланселота
Амхар – незаконнорожденный сын Артура
Артур – думнонский полководец и защитник Мордреда
Балин – один из воинов Артура
Бан – бывший король Беноика (королевства в Бретани), отец Ланселота и Галахада
Бедвин – епископ Думнонии, главный советник короля
Биртиг – наследный принц, позже король Гвинедда
Борс – двоюродный брат Ланселота, его первый воин
Брохваэль – король Повиса в послеартуровское время
Галахад – принц Беноика, брат Ланселота
Гвенвивах – сестра Гвиневеры, принцесса Хенис-Вирена
Гвидр – сын Артура и Гвиневеры
Гвилиддин – слуга Мерлина
Гвиневера – жена Артура
Горфиддид – король Повиса, убитый в Лугг-Вейле, отец Кунегласа и Кайнвин
Гундлеус – король Силурии, убитый в Лугг-Вейле
Дерфель Кадарн – рассказчик, сакс, воин Артура, впоследствии монах
Диан – младшая дочь Дерфеля
Динас – силурийский друид, брат-близнец Лавайна
Диурнах – ирландский король Ллейна (эта страна раньше называлась Хенис-Вирен)
Игрейна – королева Повиса после смерти Артура, супруга Брохваэля
Иорвет – друид из Повиса
Исеулт – королева Кернова, супруга Марка
Исса – один из копьеносцев Дерфеля, впоследствии его заместитель
Кадваллон – король Гвинедда
Кадви – мятежный правитель Иски
Кадок – христианский епископ, почитаемый святым, отшельник
Кай – друг детства Артура, теперь один из его воинов
Кайнвин – повисская принцесса, сестра Кунегласа, дочь Горфиддида
Каллин – первый воин Кернова
Кердик – король саксов
Китрин – думнонийский судья и советник
Кулук – двоюродный брат Артура, один из его воинов
Кунеглас – король Повиса, сын Горфиддида
Каван – заместитель Дерфеля
Лавайн – силурийский друид, брат-близнец Динаса
Ланваль – один из воинов Артура
Ланселот – изгнанный король Беноика
Леодеган – изгнанный король Хенис-Вирена, отец Гвиневеры и Гвенвивах
Лигессак – бывший начальник телохранителей Мордреда, ныне в изгнании
Линет – бывшая любовница Дерфеля, ныне служанка Гвиневеры
Лохольт – незаконный сын Артура, близнец Амхара
Малейн – повисский друид
Малла – жена Саграмора, саксонка
Марк – король Кернова, отец Тристана

- Маэльгвин* – монах в Динневраке
Мелвас – король белгов в изгнании
Мерлин – верховный друид Думнонии
Морвенна – старшая дочь Дерфеля
Моргана – старшая сестра Артура, одна из главных жриц Мерлина
Мордред – король Думнонии, сын Норвенны
Морфанс – один из воинов Артура, прозванный Уродливым
Мэуриг – наследный принц, впоследствии король Гвента
Набур – христианский судья в Дурноварии
Нимуэ – главная жрица и возлюбленная Мерлина
Норвенна – мать Мордреда, убитая Гундлеусом
Передур – сын Ланселота и Ады
Пирлиг – бард Дерфеля
Ралла – служанка Мерлина, жена Гвилиддина
Саграмор – нумидиец, военачальник Артура, хозяин Камней
Серена – вторая дочь Дерфеля
Скарах – жена Иссы
Сэнсам – епископ в Думнонии, впоследствии настоятель монастыря в Динневраке, где живет Дерфель
Танабурс – силурийский друид, убитый Дерфелем после битвы в Лугг-Вейле
Тевдрик – король Гвента, отец Мэурига, впоследствии – отшельник
Тристан – наследный принц Кернова, сын Марка
Тудвал – монах-послушник в Динневраке
Утер – покойный верховный король Думнонии, дед Мордреда
Хеллед – супруга Кунегласа, королева Повиса
Хигвидд – слуга Артура
Захерн – один из копейщиков Дерфеля
Эйлеанн – бывшая возлюбленная Артура, мать его сыновей-близнецов Амхара и Лохольта
Элейна – мать Ланселота, вдова Бана
Элла – король саксов
Эмрис – епископ Думнонии, преемник Бедвина
Энгус Макайрем – ирладский король Деметии, земли, прежде называемой Дифед
Эрке – мать Дерфеля, также называемая Энна

Место действия

1

*Абона** – Эйвонмут, Эйвон

*Аква-Сулис** – Бат, Эйвон

*Беноик** – захваченное франками королевство в Бретани (Арморики)

*Бодуэн** – Гарн-Бодуэн, Гвинедд

*Броселианд** – последнее королевство бриттов в Арморики

*Бурриум** – столица Гвента. Уск, Гвент

*Вента** – Винчестер, Гемпшир

*Виндокладия** – римская крепость возле Уимборн-Минстер, Дорсет, Англси

*Глевум** – Глостер

Динневрак – монастырь в Повисе

*Долфорвин** – возле Ньютауна, Повис

*Дом Эрмида** – возле Стрита, Сомерсет

Дун-Кейнах – Харсфилд-Бикон, возле Глостера

*Дунум** – Ход-Хилл, Дорсет

*Дурновария** – Дорчестер, Дорсет

*Инис-Видрин** – Гластонбери, Сомерсет

*Инис-Вит** – остров Уайт

Инис-Требс – утраченная столица Беноика, гора Сен-Мишель, Бретань

*Иска Думнонийская** – Экстер, Девон

*Иска Силурийская** – Карлеон, Сомерсет

*Каллева** – приграничная крепость, Силчестер, Гемпшир

*Камни** – Стоунхендж

Кар-Амбра – Эмсбери, Уилтшир

Кар-Гей – столица Гвинедда. Северный Уэльс

Кар-Кадарн – Саут-Кедбери, Сомерсет

*Кар-Свос** – столица Повиса. Карсус, Повис

*Кориниум** – Сайренсчестер, Глостершир

*Кум-Исаф** – возле Ньютауна, Повис

*Ллин-Керриг-Бах** – озеро Маленьких Камней, ныне аэродром на острове Англси

*Ллогр** – часть Британии, захваченная саксами, буквально «потерянные земли». На современном валлийском «Ллогр» означает «Англия».

*Лугг-Вейл** – Мортимерс-Кросс, Херефорд и Вустер

*Магнис** – римский форт Кенчестер, Херефорд и Вустер

*Нидум** – Нит, Гламорган

*Понт** – Стейнс, Суррей

*Ратэ** – Лестер

*Тор** – Гластонбери-Тор, Сомерсет

*Хальком** – Солком, Девон

¹ Названия мест, отмеченные звездочкой, упоминаются в исторических хрониках.

Часть первая Темная дорога

Глава 1

Сегодня я вспоминаю умерших.

Наступил последний день старого года. Папоротник на холме побурел и пожух, вязы в долине облетели, начался забой скота. Нынче ночью – канун Самайна.

Нынче ночью завеса между живыми и мертвыми затрепещет, поредет и наконец исчезнет. Нынче ночью покойники пройдут по мосту-мечу. Нынче ночью они явятся из Иного мира сюда, но мы их не увидим. Они будут здесь, но мы различим лишь тени во тьме, услышим лишь шепоток ветра в безбурной ночи.

Епископ Сэнсам, святой, настоятель нашей монашеской обители, смеется над этими верованиями. У покойников, говорит он, нет призрачных тел, они не могут пройти по мосту-мечу; покойники лежат в холодных могилах и ждут второго пришествия Господа нашего Иисуса Христа. Он говорит, усопших надо помнить и молиться за их души, однако тела их истлели. Глаза вытекли, глазницы зияют черными дырами, внутренности стали добычей червей, кости заросли плесенью. Святой уверяет, что мертвые не тревожат живых в ночь на Самайн. И все-таки даже он, уходя спать, словно бы ненароком забудет у монастырского очага хлеб и кувшин с водой.

Я оставляю больше. Чашу с медом и кусок лососины. Скромные подношения – все, что в моих силах. Я оставляю их у очага, уйду в свою келью и буду ждать мертвых, которые посетят нынче ночью холодный дом на голом холме.

Я буду называть их имена. Кайнвин, Гвиневера, Нимуэ, Мерлин, Ланселот, Галахад, Диан, Саграмор – список занял бы два пергамента. Их шаги не потревожат камыш на полу, не спугнут мышей, обитающих в соломенной кровле, но даже епископ Сэнсам знает, что наши кошки будут выгибать спины и шипеть из кухонных углов на тени, которые и не тени вовсе, когда те подступят к очагу принять дары, оставленные, чтобы их задобрить.

Итак, сегодня я вспоминаю умерших.

Теперь я стар, как когда-то Мерлин, хотя далеко не так мудр. Наверное, только мы с епископом Сэнсамом еще помним те славные времена, и я один храню о них добрую память. Быть может, уцелел кто-нибудь еще, в Ирландии или в пустынных землях к северу от Лотиана. Мне о них ничего не ведомо. Знаю одно: если они живы, то, подобно мне, ежатся от подступающей тьмы, словно кошки, которые подбираются, завидев ночные тени. Все, что мы любили, разрушено, все, что построили, уничтожено, все, посеянное нами, пожали саксы. Мы, бритты, цепляемся за гористые западные земли и твердим о мести, но нет меча, способного одолеть великую тьму. Часто, слишком часто я мечтаю оказаться среди мертвых. Епископ Сэнсам одобряет это желание: хорошо, мол, стремиться на небеса. Впрочем, я не думаю, что попаду в рай и вместе со святыми займу место одесную Отца. Я много грешил и потому страшусь ада, и все же, вопреки своей нынешней вере, надеюсь попасть в Иной мир. Там, под яблонями четырехбашенного Аннуина, ломится от яств стол, за которым собрались мои друзья. Мерлин улещивает, поучает, ворчит и насмешничает. Галахад рвется вставить словцо. Кулух, прислушиваясь бесконечными разговорами, стянул себе лишнюю порцию мяса и думает, будто никто не заметил. И там же Кайнвин, милая Кайнвин, улаживает раздоры, посеянные Нимуэ.

Однако я вынужден влачить земное существование. Я живу, в то время как друзья мои пируют, и, пока дышу, буду писать повесть об Артуре. Я составляю ее по просьбе королевы

Игрейны, молодой супруги короля Брохваэля Повисского, покровителя нашего маленького монастыря. Игрейна хочет знать все, что я помню об Артуре. Вот почему я пишу эту повесть, хотя епископ Сэнсам не одобряет мой труд. Он говорит, что Артур был враг Божий, дьяволово семя, посему я пишу на родном саксонском, которого святой не понимает. Мы с Игрейной лжем, будто я перевожу Евангелие Господа нашего Иисуса Христа на язык врагов, и епископ то ли нам верит, то ли выжидает время, чтобы разоблачить меня и покарать.

Я пишу каждый день. Игрейна часто приходит в монастырь помолиться Богу, чтобы Он даровал ей дитя, потом забирает пергаменты и отдает писарю Брохваэля, а тот перекладывает их на язык бриттов. Думаю, она многое меняет, подгоняя Артура под образ, который ей более по душе, но что мне за печаль? Никто не будет этого читать. Я подобен человеку, строящему плотину из глины и прутьев для защиты от грядущего наводнения. Близится тьма, в которой не останется грамотных людей. Одни саксы.

Итак, я пишу об умерших, коротая время в ожидании встречи, когда смиренный инок брат Дерфель вновь станет лордом Дерфелем Кадарном, Дерфелем Могучим, первым воином Думнонии, лучшим другом Артура. Однако сейчас я всего лишь старый продрогший монах и пишу воспоминания единственной уцелевшей рукой. Нынче ночью канун Самайна, завтра – первый день нового года. Близится зима. У оград намело кучи опавших листьев, по стерне бродят дрозды, чайки перебрались на сушу, и дятлы собираются при полной луне. Самое время, говорит мне Игрейна, писать о былом. Она принесла новую стопку телячьих кож, бутылочку свежеприготовленных чернил и пучок перьев. Расскажи мне об Артуре, просит она, о нашей лучшей и последней надежде, о короле, который никогда не был королем, о враге Божьем и биче саксов. Расскажи об Артуре.

* * *

Ужасен вид поля после сражения.

Мы победили, однако в наших сердцах не было буйной радости. Мы дрожали у костров, стараясь не думать о нечисти, что бродит среди павших в Лугг-Вейле. Кое-кто спал, но беспокойно – им снилась битва. Я пробудился среди ночи от воспоминания о копье, едва не вспоровшем мне живот. Исса спас меня, отбив вражеский удар краем щита, но мысль о том, что могло случиться, не отпускала. Я попытался снова заснуть и не смог, так явственно представлялось мне это копье, поэтому, усталый и замерзший, встал и закутался в плащ. Долину освещали гаснущие костры, во тьме меж огнями клубились дым и речной туман. Что-то двигалось в дыму – люди или духи, я различить не мог.

– Не спится, Дерфель? – раздался тихий голос из дверей римского здания, где лежало тело короля Горфиддида.

Я повернулся и увидел Артура. Он смотрел на меня.

– Да, господин, – признал я.

Артур двинулся между спящими воинами. Длинный белый плащ из тех, что он так любил, как будто светился во тьме. На нем не было ни грязи, ни крови; я сообразил, что Артур заранее прихватил его с собой, чтобы переодеться. Нам, остальным, было все равно, в чем мы окажемся после боя – да хоть нагишом, лишь бы живыми. Однако Артур всегда отличался чистоплотностью. Он был с непокрытой головой, волосы по-прежнему примяты там, где их сдавливал шлем.

– Мне всегда плохо спится после сражения, по крайней мере неделю. Потом приходит блаженное забытие. – Он улыбнулся. – Я – твой должник.

– Нет, господин, – возразил я, хотя Артур сказал правду. Мы с Саграмором весь день удерживали Лугг-Вейл против несметного полчища врагов, и Артур не пришел нам на

выручку. Позже подросла помощь, а с ней и победа, но из всех его битв эта была ближе всего к поражению. Если не считать последней.

– Я, во всяком случае, не забуду твоей услуги, – ласково проговорил Артур, – даже если ты сам о ней не помнишь. Пришло время обогатить тебя, Дерфель, тебя и твоих людей.

Он улыбнулся и, взяв меня под локоть, повел туда, где наш разговор не беспокоил бы тревожный сон воинов, лежащих ближе к кострам. Земля была влажная, дождь заполнил водой вмятины от копыт Артуровой конницы. Интересно, подумалось мне, снится ли лошадям сражение? И еще: вздрагивают ли убитые, бредущие сейчас по мосту-мечу, от воспоминаний об ударе копьём, отправившем их души в Иной мир?

– Гундлеус убит? – перебил мои мысли Артур.

– Да, господин. – Король Силурии испустил дух еще до темноты, но я не видел Артура с тех пор, как Нимуэ покончила со своим врагом.

– Я слышал его крики, – сдержанно проговорил Артур.

– Вся Британия, наверное, их слышала, – так же сухо отвечал я. Нимуэ вырывала черную душу короля по кускам и пела, празднуя отмщение человеку, который отдал ее на поругание воинам и ослепил на один глаз.

– Значит, Силурии нужен король, – продолжал Артур. Он поглядел в долину, туда, где в дымном мареве метались черные тени. Отблески пламени ложились на свежесвыбритое лицо, подчеркивая заострившиеся черты. Не красавец и не урод, Артур обладал тем, что правильнее всего было бы назвать необычной внешностью. Лицо, длинное и скуластое, в минуты задумчивости казалось печальным, а во время разговора оживлялось внутренним пылом и быстрой улыбкой. Он был молод – всего тридцать лет; в коротко стриженных волосах еще не начала пробиваться седина.

– Идем. – Он тронул меня за плечо и указал в долину.

– Ты хочешь идти среди мертвых? – Я в ужасе попятился. По мне, лучше было переждать у костров, пока рассвет не прогонит нечисть.

– Мы их убили, Дерфель, ты и я, – отвечал Артур, – так кто кого должен бояться?

Он был совершенно чужд суевериям. Мы носили при себе амулеты и во всем видели дурные знаки; Артур двигался сквозь мир духов, как слепец.

– Идем, – повторил он, снова трогая меня за плечо.

Мы углубились во мрак. Не все, лежащие в тумане, были мертвы, некоторые жалобно молили о помощи, но Артур, обычно добрейший из людей, оставался глух к их стонам. Он думал о Британии.

– Завтра я поеду на юг, – сказал он, – на встречу с Тевдриком.

Гвентский король Тевдрик, наш союзник, отказался послать своих воинов в Лугг-Вейл, ибо не верил в победу. Теперь он наш должник – мы выиграли для него войну, однако Артур, как обычно, не помнил зла.

– Я попрошу Тевдрика послать людей на восток, против саксов, и отправлю с ними Сагра-мора. Они должны удержать границу до конца зимы. Твои люди, – он быстро улыбнулся, – заслужили отдых.

По его улыбке я понял, что отдыха не будет, и отвечал покорно:

– Они отправятся, куда велишь.

Я шел с опаской, страхась зыбких теней и правой рукой делая знаки от дурных сил. Порою души, разлученные с телом, не находят дороги в Иной мир и бродят по земле, разыскивая свои прежние тела и мстя убийцам. Той ночью в Лугг-Вейле было много таких душ, и я их боялся; однако Артур шагал среди мертвецов беспечно, одной рукой придерживая полу плаща над мокрой травой и грязью.

– Твои люди нужны мне в Силурии, – решительно сказал он. – Энгус Макайрем захочет ее разграбить. Его надо остановить.

Энгус – ирландский король Деметии – во время битвы перешел на сторону Артура и тем обеспечил ему победу. За это ирландцу обещали пленников и долю богатств Силурийского королевства.

– Пусть возьмет сто невольников, – объявил Артур, – и треть силурийской казны. Так мы договорились, хотя он все равно попытается нас обмануть.

– Я прослежу, чтобы не обманул, господин.

– Нет, не ты. Позволишь Галахаду повести твоих людей?

Я кивнул, пряча удивление, потом спросил:

– А что делать мне?

– Силурия меня беспокоит, – продолжал Артур, словно не слыша вопроса. Он нахмурился. – Ею дурно управляли, Дерфель, очень дурно.

Сказано это было с глубоким отвращением. Для всех нас дурное правление так же естественно, как снег зимою или цветы по весне, однако Артур искренне ему ужасался. Мы помним Артура легендарным воином в сияющих доспехах и с острым мечом в руке, он же хотел остаться в памяти людей добрым, честным и справедливым правителем. Меч давал ему власть, а он уступал эту власть закону.

– Королевство незначительное, но, если не навести там порядок, хлопот с ним не оберешься. – Он думал вслух, пытаясь предугадать все препятствия, отделяющие эту ночь после боя от его мечты о мирной объединенной Британии. – Идеальным решением было бы разделить Силурию между Гвентом и Повисом.

– А что мешает? – спросил я.

– Я обещал ее Ланселоту, – отвечал Артур тоном, не допускающим возражений.

Я промолчал, только тронул рукоять Хьюэлбейна, чтобы сталь защитила мою душу от порчи. Я смотрел на груды мертвых тел перед лесом, который мои люди защищали весь долгий вчерашний день.

Много храбрецов отличилось в том бою, только не Ланселот. За все те годы, что я служил под началом Артура, за все годы знакомства с Ланселотом я никогда не видел его в боевом строю. Видел, как он преследует разбитого врага, как ведет пленных перед ликующей толпой, но никогда – в жаркой стычке двух сошедшихся щитами воинств. Изгнанный король Беноика, свергнутый прихлынувшей из Галлии ордой франков, он ни разу, насколько я знал, не обратил копье против захватчиков. И все же барды по всей Британии воспевали его доблесть. Ланселот, король без королевства, герой сотни сражений, меч бриттов, прекрасный и скорбный воитель... И всю славу добыли ему песни, не меч. Мы были врагами, и оба – друзья Артуру, поэтому жили в состоянии напряженного перемирия.

Артур знал, как я отношусь к Ланселоту. Он тронул меня за локоть, и мы вместе двинулись на юг, к грудам мертвых тел.

– Ланселот – союзник Думнонии. Если Ланселот будет править Силурией, мы сможем ее не опасаться. А если Ланселот женится на Кайнвин, то и Повис его поддержит.

Как только прозвучали эти слова, моя ненависть вспыхнула с новой силой, и все же я промолчал. Что возразить? Я сын раба-сакса, молодой воин с отрядом бойцов, но без земли, а Кайнвин – принцесса Повиса. Ее называли «серена», звезда, и она сияла над блеклой землей, словно искорка солнца в грязи. Ее обещали Артуру, а он предпочел Гвиневеру, что стало причиной войны, закончившейся вчера бойней в Лугт-Вейле. Теперь, чтобы наступил мир, Кайнвин должна была выйти за Ланселота, моего врага, в то время как я, ничтожный, ее любил. Я носил ее брошь на одежде и ее образ в душе. Я даже поклялся защищать ее, и она не отвергла мою клятву. Тогда я поверил, что моя любовь не безнадежна. Тщетное обольщение! Кайнвин – принцесса и выйдет за короля, а я рожден в рабстве и должен искать жену попроще.

Итак, я промолчал о своей любви к Кайнвин, и Артур, решавший судьбу Британии в ночь после победы, ничего не заподозрил. Да и как иначе? Признайся я, что люблю Кайнвин,

он воспринял бы это как честолюбивое желание петуха из навозной кучи сочетаться браком с орлицей.

– Ты ведь знаешь Кайнвин? – спросил Артур.

– Да, господин.

– И она хорошо к тебе относится, – полувопросительно, полуутвердительно продолжал он.

– Смею надеяться, – честно отвечал я, вспоминая серебристую красу Кайнвин и замирая при мысли, что она достанется Ланселоту. – Настолько хорошо, что даже призналась: она не хочет этого брака.

– А с какой стати ей хотеть? – спросил Артур. – Она никогда не видела Ланселота. Мне не нужно ее желание, Дерфель, мне нужна лишь покорность.

Я замялся. Перед сражением, когда Тевдрик всеми силами стремился покончить с войной, разорвавшей его земли, меня отправили к Горфиддиду, чтобы склонить его к миру. Из посольства ничего не вышло, однако я поговорил с Кайнвин и рассказал, что Артур надеется на ее брак с Ланселотом. Она не отказалась, но и не обрадовалась. Разумеется, тогда никто не верил, что Артур разобьет отца Кайнвин в бою; тем не менее она предполагала такую возможность и попросила меня в случае победы ходатайствовать за нее перед Артуром. Она взывала к его заступничеству, и я, сжигаемый любовью, перевел эту просьбу в мольбу не выдавать ее замуж против воли. Сейчас я сказал Артуру, что она просит его защиты.

– Ее слишком многим обещали в жены, господин, – добавил я. – Думаю, после стольких разочарований она хочет, чтобы ее на время оставили в покое.

– На время! – рассмеялся Артур. – У нее нет времени, Дерфель. Ей почти двадцать! Не может она оставаться в девках, как кошка, что никак не поймает мышь. И за кого еще ей выйти? – Он прошел несколько шагов. – В покровительстве своем я ей не отказываю, но что защитит ее лучше, чем брак с Ланселотом? А как насчет тебя? – внезапно спросил он.

– Меня, господин? – Сердце замерло от радости – на мгновение я подумал, что Артур предлагает мне жениться на Кайнвин.

– Тебе почти тридцать, – сказал он, – самое время для женитьбы. Об этом я позабочусь, когда вернемся в Думнонию, а сейчас я отправляю тебя в Повис.

– Меня, господин? В Повис? – Мы только что разбили войско Повиса; вряд ли кто-то обрадовался бы там сейчас вражескому воину.

Артур стиснул мой локоть.

– В следующие несколько недель главное – чтобы Кунегласа признали королем Повиса. Он считает, что соперников не будет, но я не хочу рисковать. Отправляйся в Кар-Свос, пусть все видят, что мы с ним друзья. Ничего более. Пусть любой соперник знает: ему придется сражаться не только с Кунегласом, но и со мной. Если ты будешь там, рядом с ним, все это поймут.

– Так почему не послать сотню воинов? – спросил я.

– Не хочу, чтобы это выглядело так, будто мы посадили Кунегласа на трон. Мне нужна его дружба, и не годится, чтобы он вернулся в Повис побежденным. И потом... – Артур улыбнулся. – Ты сам стоишь сотни воинов, Дерфель. Вчера ты это доказал.

Я скривился, поскольку не любил чрезмерной хвалы. Впрочем, если слова эти означали, что я достоин быть Артуровым посланцем в Повисе, то и хорошо – я снова окажусь рядом с Кайнвин. Я хранил память о прикосновении ее руки так же бережно, как брошь, подаренную мне много лет назад. Она еще не вышла за Ланселота, напомнил я себе, значит надежда, пусть и безумная, пока есть.

– А что мне делать, когда Кунеглас вступит на престол?

– Дождаться меня, – отвечал Артур. – Я приеду в Повис, как только смогу. Заключив мир и совершив помолвку Ланселота, мы вернемся домой. А на следующий год, мой друг, мы поведем воинства Британии против саксов.

Он редко с такой радостью говорил о войне. Отличный воин, Артур любил битвы за то упоение, которое обретал в бою, отбросив всегдашнюю осторожность, но никогда не искал войны, если мог решить дело миром. Победа и поражение слишком непредсказуемы, и Артуру было не по душе отказываться от заведенного порядка и тщательной дипломатии ради превратностей войны. Однако дипломатия и такт не остановили бы захватчиков-саксов, надвигающихся с запада, как зараза. Артур мечтал о мирной Британии, в которой царили бы закон и порядок. Саксам не было места в этой мечте.

– Выступим весной? – спросил я.

– Как только проклюнутся листья.

– Тогда я попрошу тебя об одной милости.

– Говори, – отвечал Артур, радуясь, что сможет вознаградить меня за помощь в бою.

– Я хотел бы отправиться с Мерлином, господин.

Он некоторое время молча смотрел на сырую землю, где валялся согнутый почти вдвое меч. В темноте кто-то застонал, вскрикнул и умолк.

– Котел, – хрипло проговорил Артур.

– Да, господин.

Мерлин вышел к нам во время сражения и молил обе стороны прекратить войну и отправиться с ним за Котлом Клиддно Эйддина. Котел – величайшее из сокровищ Британии, волшебный дар старых богов – был утерян столетия назад. Мерлин посвятил жизнь поиску сокровища. Он уверял, что если найдет Котел, то сможет вернуть Британию ее законным богам.

Артур покачал головой.

– Ты и впрямь думаешь, что Котел Клиддно Эйддина уцелел за все годы римского владычества? Его увезли в Рим, Дерфель, и переплавили на пряжки и монеты. Нет никакого Котла!

– Мерлин уверяет, что есть, – не сдавался я.

– Мерлин наслушался бабьих сказок, – сердито проговорил Артур. – Знаешь, сколько людей он хочет взять на поиски Котла?

– Нет, господин.

– Восемьдесят, сказал он мне. Или сто. А лучше двести. Он даже не говорит, где Котел, только требует войско, чтобы повести его в какие-то дикие края. В Ирландию или куда еще... Нет! – Артур пнул согнутый меч, потом пальцем уперся мне в плечо. – Послушай, Дерфель, на следующий год мне нужен будет каждый человек, способный держать копье. Мы покончим с саксами раз и навсегда, и я не могу отправить восемьдесят или сто человек искать посудину, пропавшую почти пятьсот лет назад. Вот разобьем саксов Эллы, и отправляйтесь куда хотите. Но я говорю тебе – это чушь. Нет никакого Котла.

Он повернулся и пошел назад к кострам. Я двинулся следом. Мне его не переубедить. Артур и впрямь нуждался в каждом человеке, способном держать копье, чтобы одолеть саксов, и ни за что не согласился бы ослабить свое войско.

Он улыбнулся, словно желая сгладить резкость отказа.

– Если Котел и впрямь существует, то благополучно пролежит еще лет двести. А пока, Дерфель, я намерен тебя обогатить. Мы женим тебя на деньгах. – Он хлопнул меня по спине. – Одна кампания, мой дорогой Дерфель, одна последняя великая бойня, и наступит мир. Настоящий мир. Тогда нам не потребуются никакие котлы.

Он говорил с воодушевлением. В ту ночь, среди убитых на поле боя, он и впрямь видел приближение мира.

Мы шли к кострам, разложенным вокруг римского дома, в котором лежало тело Горфидида, отца Кайнвин. Артур радовался в ту ночь, радовался искренне, видя близкое осуществ-

ление своей мечты. Все казалось так просто. Одна война, затем вечный мир. Артур был наш военачальник, лучший воин Британии, однако в ту ночь после сражения, среди дыма, в котором кружили души погибших, он хотел лишь мира. Наследник Горфиддида, Кунеглас, разделял Артуровы мечты. Тевдрик Гвентский был нашим союзником, Ланселоту предстояло получить Силурию. Вместе с думнонийским войском Артура объединенные королевства Британии разобьют захватчиков-саксов. Мордред под защитой Артура вырастет и займет трон Думнонии. Тогда Артур сможет уйти на покой и наслаждаться миром и процветанием, которые принес Британии его меч.

Так Артур видел золотое будущее.

Однако он не принял в расчет Мерлина. Мерлин был старше, мудрее и хитрее Артура, и он проведаль про Котел. Когда он найдет, что ищет, его власть распространится по всей Англии, как отравы.

Ибо Котел Клиддно Эйддина разрушает людские мечты.

Артур же, при всей своей практичности, был мечтателем.

* * *

В Кар-Свосе деревья стояли, одетые последней пышностью летней поры.

Я отправился на север с Кунегласом и его побежденным войском, поэтому единственным из думнонийцев видел, как тело короля Горфиддида предали огню на вершине Долфорвина. На моих глазах пламя погребального костра высоко взметнулось в ночи; душа короля прошла по мосту из мечей в Иной мир, дабы соединиться со своим призрачным телом. Костер окружало двойное кольцо повисских копейщиков. Они держали горящие факелы и, раскачиваясь, тянули Плач Бели Маура. Пели они долго, голоса нездешним эхом отражались от ближних холмов. В Кар-Свосе царила скорбь. Многие в том краю потеряли отцов и мужей; наутро после тризны, когда дым погребального костра еще плыл к северным горам, пришла весть о падении Ратэ, крепости на северной границе Повиса. Артур сдал ее саксам, чтобы купить себе перемирие на время решающего сражения с Горфиддидом. Никто в Повисе еще не знал о коварном поступке Артура, и я ничего о нем не сказал.

Первые три дня я Кайнвин не видел: был траур по Горфиддиду, и женщин к погребальному костру не допускали. Все они, одетые в черные шерстяные платья, сидели взаперти. Музыка в женских покоях не играла; туда приносили лишь воду, сухой хлеб и жидкую овсяную кашу. Все воины Повиса собрались перед королевскими палатами, чтобы провозгласить нового короля. Я, помня наказ Артура, смотрел, не оспорит ли кто-нибудь право Кунегласа на престол, однако в толпе не слышно было ропота.

Под конец третьего дня дверь женских покоев распахнулась. Вышла служанка, посыпала порог и ступени руты, а через мгновение в дверной проем повалил дым: женщины жгли брачную постель старого короля. Дым шел и из окон; только когда он рассеялся, Хеллед, новая королева Повиса, сошла по ступеням и опустилась на колени перед своим мужем, королем Кунегласом Повисским. Когда король ее поднял, стало видно, что белое льняное платье испачкалось там, где колени соприкасались с землей. Кунеглас поцеловал супругу и повел в дом. Иорвет, верховный друид королевства, в черном одеянии, вслед за королем вошел в женские покои. Снаружи, у бревенчатых стен, дожидались уцелевшие воины Повиса.

Они ждали, покуда детский хор исполнял любовный дуэт Гвидиона и Арианрод, песнь Рианнон и даже длинное стихотворное сказание о походе Гофаннона на Кар-Идион; лишь когда отзвучали последние слова, Иорвет, на сей раз в белом одеянии с черным, увитым омелой жезлом в руке, вышел и объявил, что дни траура окончены. Воины разразились громкими возгласами и, смешав ряды, направились к своим женам. Назавтра Кунегласа должны были

провозгласить королем, и любой мог оспорить его право на трон. Тогда же мне впервые после битвы предстояло увидеть Кайнвин.

На следующий день я наблюдал, как Иорвет и Кайнвин выполняют обряд коронации. Она стояла рядом с братом, а я смотрел на нее и дивился, что женщина может быть так хороша. Сейчас я стар, и, возможно, моя память преувеличивает красоту Кайнвин. Впрочем, нет. Не зря же ее называли «сереной», звездой. Она была среднего роста, но очень стройная, что создавало впечатление хрупкости – ложное, как я убедился потом, ибо Кайнвин обладала железной волей. Волосы у нас были почти одного цвета, однако мои походили на грязную солому, а ее отливали золотом. В тот день на ней было синее льняное платье, отороченное по краю серебряным, в черную крапинку зимним горностаем – то самое, в котором она тронула меня за руку и выслушала мою клятву. Раз мы встретились глазами, и Кайнвин печально улыбнулась; клянусь, сердце на миг замерло у меня в груди.

Ритуал вступления на престол у повисцев иной, чем у нас. Кунегласа провели вокруг каменного кольца на Долфорвине и вручили ему символы власти. Затем воин провозгласил его королем и спросил, посмеет ли кто-нибудь выступить против. Все молчали. Угли погребального костра еще дымились, но тишина вокруг камней означала, что воцарился новый король. Следом Кунегласу поднесли дары. Я знал, что Артур привезет собственное великолепное подношение; мне он отдал найденный на поле битвы меч Горфиддида, и теперь я вручил его Горфиддидову сыну в знак мира между Думнонией и Повисом.

Потом был пир в одиноком доме на вершине Долфорвина, довольно скудный: меда и пива припасли больше, чем еды. Однако на этом пиру Кунеглас мог рассказать воинам о своих чаяниях.

Сперва он заговорил о прошедшей войне. Перечислил павших в Лугг-Вейле и сказал, что они погибли не зря. «Ибо они завоевали мир. Мир между Повисом и Думнонией». Воины зароптали, но Кунеглас поднял руку, призывая к молчанию. «Наш враг, – неожиданно окрепшим голосом произнес он, – не Думнония. Наши враги – саксы!» Он помолчал, и на этот раз ропота было не слышно. Воины молча смотрели на своего нового короля – не великого воителя, сказать по правде, но человека честного и доброго. Достоинства эти ясно читались на круглом и гладком юношеском лице, которому он тщетно пытался придать солидности длинными усами (заплетенные в косички, они доходили ему до груди). Сам не воин, он был умен и понимал, что должен предложить своим людям возможность повоевать – единственный способ добыть богатство и славу. Он пообещал освободить Ратэ и покарать саксов за зверства, учиненные над тамошними жителями. Ллогр, сказал он, будет отбит, а Повис, некогда величайшее из королевств Британии, вновь протянется от гор до Германского моря. Римские города и укрепления восстанут из руин, дороги починят. Каждый повисский воин получит землю, долю военной добычи и невольников-саксов. Воины захлопали: Кунеглас предложил разочарованным военачальникам то, что такие люди всегда ждут от короля. Однако он вновь поднял руку, требуя тишины, и продолжил, что богатства Ллогра отвоеует не один Повис.

– На сей раз, – объявил он, – мы пойдем вместе с гвентцами и копейщиками Думнонии. Они были врагами моего отца, но мне они друзья, и вот почему лорд Дерфель сейчас здесь. – Он улыбнулся мне и продолжал: – И вот почему в следующее полнолуние моя дорогая сестра обручится с Ланселотом. Она станет королевой Силурии, и воины этой страны выступят вместе со мной, Артуром и Тевдриком против нашего общего врага. Мы разобьем его! Мы уничтожим саксов!

Грянули ликующие крики. Кунеглас покориł сердца воинов, пообещав им богатство и мощь древней Британии. Они били в ладоши и топали ногами в знак одобрения. Король помолчал, чтобы дать им накричаться и нахлопаться, потом просто сел и улыбнулся мне, словно говоря: «Артур был бы мною доволен».

Я не остался бражничать до утра, а пошел в Кар-Свос за воловьими упряжками, в которых ехали королева Хеллед, две ее тетки и Кайнвин. Дамы хотели засветло поспеть в Кар-Свос, и я отправился с ними – не потому, что чувствовал враждебность со стороны воинов Кунегласа, а потому, что так и не сумел еще поговорить с Кайнвин. Словно шалый телок, брел я с небольшим отрядом копейщиков, охранявших повозки. Желая произвести благоприятное впечатление на Кайнвин, я тщательно оделся, начистил доспехи, стряхнул грязь с плаща и сапог, а длинные волосы заплел в косу. На плаще у меня была ее брошь – знак моей клятвы.

Я уже потерял всякую надежду, поскольку всю дорогу до Кар-Своса Кайнвин не смотрела в мою сторону, но когда впереди показались городские стены, она обернулась, спрыгнула с повозки и остановилась, дожидаясь меня. Копейщики расступились, и мы с ней пошли рядом. Кайнвин улыбнулась, увидев брошь, однако заговорила о другом.

– Мы гадали, что привело тебя сюда, лорд Дерфель, – сказала она.

– Артур хотел, чтобы кто-нибудь из Думнонии присутствовал при вступлении твоего брата на престол, госпожа.

– Или хотел удостовериться, что все пройдет без помех? – проницательно заметила Кайнвин.

– И это тоже, – признал я.

Она пожала плечами.

– Никто другой не стал бы королем. Отец об этом позаботился. Один из вождей, Валерин, мог бы посоперничать с Кунегласом, но мы слышали, что Валерин пал в бою.

– Да, госпожа, – отвечал я, не добавив, что сам сразил Валерина в единоборстве у брода в Лугг-Вейле. – Он был отважный воин, и твой отец тоже. Прими соболезнования.

Кайнвин в молчании прошла несколько шагов. Хеллед, королева Повиса, настороженно наблюдала за нами с повозки.

– Мой отец, – сказала наконец Кайнвин, – был очень тяжелый человек, но я видела от него только хорошее. – Она говорила с горечью, хотя и без слез. Все слезы были выплаканы, теперь ее брат стал королем, и Кайнвин ждало новое будущее. Она подобрала подол, чтобы перейти через грязь. Ночью шел дождь, облака обещали новую непогоду.

– Так Артур приедет? – спросила она.

– Со дня на день, госпожа.

– И привезет Ланселота?

– Думаю, да.

Она скривилась.

– Когда мы последний раз виделись, лорд Дерфель, я должна была выйти за Гундлеуса. Теперь за Ланселота. Один король за другим.

– Да, госпожа.

Ответ был неуместный, даже глупый, однако любовь сковывала мне язык. Я хотел одного: быть с Кайнвин, однако, очутившись подле нее, не смел выразить то, что у меня душе.

– И я стану королевой Силурии, – без всякой радости проговорила Кайнвин. Она остановилась и указала на широкую долину Северна. – Сразу за Долфорвином лежит укромная лощина, в которой стоит домик и растут яблони. В детстве я думала, что Иной мир – такой же: уютное, безопасное место, где я смогу жить счастливо и растить детей. – Она рассмеялась над собой и тронулась дальше. – Каждая вторая девушка Британии мечтает выйти за Ланселота и стать королевой, а мне нужна лишь маленькая яблонева лощина.

– Госпожа, – начал я, собираясь с духом, чтобы открыть ей свое сердце, однако Кайнвин тронула меня за руку, удерживая от ненужных слов – видимо, угадала мои мысли.

– Я должна исполнить свой долг, лорд Дерфель.

– Моя клятва нерушима, – выпалил я. Для меня это было почти признание в любви – яснее выразиться я не решался.

– Знаю, – отвечала Кайнвин. – Мы ведь друзья, правда?

Я хотел быть ей больше чем другом...

– Да, госпожа.

– Тогда я скажу тебе то же, что сказала брату. – Она взглянула на меня серьезными синими глазами. – Не знаю, хочу ли я выйти за Ланселота. Однако я пообещала Кунегласу с ним встретиться, прежде чем ответить «да» или «нет». Что обещала, выполню, а вот дам ли согласие, не знаю. – Она молча прошла несколько шагов, видимо решая, говорить ли дальше, и наконец сочла, что мне можно доверять. – После того как мы виделись в последний раз, я побывала у жрицы в Маэствире. Та отвела меня в пещеру сновидений и усыпила на ложе из черепов. Я хотела узнать свою судьбу, но не запомнила никаких снов. Когда я проснулась, жрица сказала, что первый, кто захочет взять меня в жены, возьмет в жены смерть. – Она взглянула на меня. – Ты что-нибудь понял?

– Нет, госпожа. – Я тронул рукоять Хьюэлбейна. Предостерегала ли меня Кайнвин? Я не говорил ей о своей любви, но она наверняка разгадала мои чувства.

– Вот и я не поняла, поэтому спросила Иорвета, что означает пророчество. Он посоветовал не тревожиться; жрица, мол, потому и говорит загадками, что не может сказать ничего внятного. Думаю, пророчество означает, что мне не следует выходить замуж, и наверняка знаю одно: я трижды подумаю, прежде чем вступить в брак.

– Вы знаете и другое, госпожа, – сказал я. – Моя клятва крепка.

– Да. Я рада, что ты здесь, лорд Дерфель. – С этими словами она припустила вперед и забралась на повозку, а я остался раздумывать над пророчеством. Никакой утешительной разгадки в голову не приходило.

* * *

Артур приехал в Кар-Свос через три дня с двадцатью всадниками, сотней копейщиков, бардами и арфистами. Он привез Мерлина и Нимуэ, привез дары – золото, снятое с убитых в Лугг-Вейле. А еще – Гвиневеру и Ланселота.

При виде Гвиневеры я застонал.

Мы одержали победу и заключили мир, и все равно мне казалось жестокостью со стороны Артура привезти сюда женщину, ради которой он отверг Кайнвин. Однако Гвиневера настояла и прибыла в Кар-Свос на повозке, убранной мехами, обтянутой цветными полотном и украшенной зелеными ветвями в знак мира. Королева Элейна, мать Ланселота, была в той же повозке, но все смотрели только на Гвиневеру. Стоя, въехала она в ворота Кар-Своса и продолжала стоять, пока волю не остановились перед воротами королевского дома, где она когда-то жила как бедная родственница и куда теперь вернулась победительницей.

На ней было льняное, выкрашенное в золотистый цвет платье, золото на шее и на запястьях, пышные рыжие волосы венчал золотой обруч. Она носила под сердцем дитя, но драгоценная золотая ткань скрывала живот. Она походила на богиню.

Если Гвиневера выглядела богиней, то Ланселот въехал в Кар-Свос подобно богу. Многие приняли его за Артура, так великолепно он смотрелся на белом коне под светлой, расшитой золотыми звездами попоной. Доспех из украшенных белой эмалью пластин покрывал белый, с алой каймой плащ; ножны тоже сверкали белизной. Смуглое красивое лицо обрамлял золоченый шлем; крылья орлана, украшавшие его на Инис-Требсе, сменились лебедями.

Народ ахал; я слышал, как по толпе пробежал шепоток: Ланселот, трагический король утраченного королевства Беноик, будущий супруг их принцессы... У меня упало сердце; я испугался, что его великолепие ослепит Кайнвин. Толпа едва заметила Артура, одетого в белый плащ поверх короткой кожаной безрукавки и явно смущенного своим возвращением в Кар-Свос.

Кунеглас дал в честь гостей пир. Сомневаюсь, что приезд Гвиневеры его обрадовал, однако он был человек спокойный и, в отличие от отца, не чувствовал себя оскорбленным по любому поводу, поэтому обходился с Гвиневерой, как с королевой: наливал вино, накладывал еду, наклонялся к ней, чтобы поговорить. Артур, сидевший по другую руку от Гвиневеры, так и сиял. Рядом с ней он всегда выглядел счастливым; наверняка ему приятно было видеть, как ее чествуют в том самом зале, где она когда-то стояла в толпе людей низкого звания.

Артур старался особенно угождать Кайнвин. Все знали, что он разорвал помолвку с Кайнвин, чтобы жениться на бесприданнице Гвиневере; многие повисцы поклялись не забыть Артуру обиду, но Кайнвин его простила и всем своим видом это показывала. Она улыбалась, трогала его за локоть, наклонялась к нему; когда же мед растопил последние остатки враждебности, король Кунеглас соединил руки своей сестры и Артура в знак примирения. Пирующие разразились одобрительными криками. Старые счеты остались в прошлом.

Потом Артур встал, взял Кайнвин за руку и так же символично подвел ее к пустому месту рядом с Ланселотом. Снова грянули радостные возгласы. Я с каменным лицом смотрел, как Ланселот встает, приветствуя Кайнвин, затем садится и наливает ей вина. Он снял с запястья тяжелый золотой браслет; Кайнвин сделала вид, будто отказывается от щедрого подарка, но Ланселот надел браслет ей на руку. Золото блеснуло в свете тростниковых лучин. Воины желали увидеть дар Ланселота; Кайнвин робко подняла руку, показывая тяжелое золотое украшение. Все снова радостно закричали – все, кроме меня. Вокруг гремели голоса, ливень стучал по крыше. Она ослеплена, думал я, она ослеплена. Звезда Повиса пала перед утонченной красотой Ланселота.

Я бы ушел от тоски под проливной дождь, если б не Мерлин. В начале пира он сидел на возвышении с королями, потом перебрался к воинам. Он ходил по залу, останавливаясь, чтобы послушать разговор или перекинуться с кем-нибудь парой слов. Седые волосы он зачесал от тонзуры назад, заплел в косы и перевязал черными лентами, как и бороду. Длинное морщинистое лицо, темное, словно римские каштаны, которые так любят в Думнонии, лучилось хитрым весельем. Он явно замыслил какую-то проделку. Я съежился, опасаясь подвоха с его стороны. Мерлина я любил, как отца, но загадок мне и так хватало с головой. Хотелось одного: очутиться так далеко от Кайнвин и Ланселота, как только позволят боги.

Выждав, пока Мерлин (как мне думалось) окажется в другом конце пиршественного зала, я уже собрался тихонько выскользнуть наружу, и в тот же миг у самого моего уха раздался его голос.

– Где ты от меня прятался, Дерфель? – спросил Мерлин, с наигранным стоном опускаясь подле меня. Ему нравилось притворяться дряхлым и немощным, поэтому он для начала картинно потер колени, постанывая от боли в суставах, потом забрал у меня рог и в один прием осушил.

– Гляди, как девственная принцесса... – Мерлин указал рогом на Кайнвин, – грядет навстречу своей неприглядной участи. – Он почесал разделенную на косы бороду, словно обдумывая следующие слова. – Полмесяца до помолвки? Свадьба неделю-другую спустя, а там еще несколько месяцев, прежде чем ребенок ее убьет. Младенец не пройдет между этими узкими бедрами, он разорвет ее пополам. – Старик рассмеялся. – Все равно что кошке разродиться бычком.

Он вперил в меня взгляд, радуясь моему смущению.

– Мне казалось, – сухо отвечал я, – что ты сплел ей заклинание счастья.

– Сплел, – глумливо отвечал он, – и что с того? Женщинам нравится рожать детей. Если счастье Кайнвин в том, чтобы первенец разорвал ее на две кровавые половинки, значит мое заклятие сработало, верно?

Он ухмыльнулся.

– «Она никогда не поднимется высоко, но никогда и не падет низко. Она будет счастлива», – процитировал я пророчество, которое Мерлин изрек в этом самом зале меньше месяца назад.

– Ну и память у тебя на всякие пустяки! Отвратительная баранина! Полусырая! И к тому же остывшая! Терпеть не могу холодное мясо. – (Впрочем, это не помешало ему стащить кусок из моей тарелки.) – Ты считаешь, что стать королевой Силурии значит подняться высоко?

– А разве нет? – кисло отвечал я.

– О боги, разумеется, нет! Силурия – самая жалкая дыра на земле. Чахлые долины, каменистые пляжи и уродливый народ – ничего больше. – Мерлин поежился. – Они топят углем вместо дров и оттого черны, как Саграмор. А уж про мытье, сдается, там и слухом не слыхивали. – Он вытащил застрявший в зубах кусок мяса и бросил одному из псов, промышлявших среди гостей. – Ланселоту быстро прискучит Силурия! Не поверю, что наш красавчик долго усидит среди прокопченного мужичья. Бедная маленькая Кайнвин, если она переживет роды, в чем я сильно сомневаюсь, останется одна с грудой угля и орущим младенцем. На том ее жизнь и кончится, – с явным удовольствием продолжал Мерлин. – Случалось тебе, Дерфель, залюбоваться девушкой в расцвете красоты, чей лик затмевает самые звезды, а через год, взглянув на нее же, провонявшую молоком и детскими кашками, подивиться, что ты в ней прежде находил? Вот что дети делают с женщинами!.. Смотри на нее, Дерфель, смотри сейчас, она никогда не будет снова так хороша.

Кайнвин впрямь была хороша и, что хуже, казалась счастливой. В тот вечер она надела белое платье и серебряную цепь со звездой. Золотистые волосы покрывала серебряная сетка, в ушах блестели серебряные капельки. Ланселот ничуть ей не уступал. Его называли первым красавцем Британии, и справедливо, если считать красивым смуглое, узкое, почти змеиное лицо. На нем была черная, с белой полосой куртка, золотая гривна на шее и золотой обруч на длинных черных волосах, густо намащенных и прилизанных. Острая борода тоже лоснилась от масла.

– Она сказала мне, что, может, и не выйдет за Ланселота. – Говоря это, я чувствовал, что напрасно обнажаю сердце перед недобрым стариком.

– Ну конечно, – беспечно отвечал Мерлин, знаком подзывая раба, который нес к почетному столу блюдо со свининой. Он сгреб пригоршню ребрышек на колени грязного белого одеяния и тут же впился в одно из них зубами. – Кайнвин, – объявил старик, обглодав ребрышко почти дочиста, – романтическая дура. Она вообразила, что выйдет замуж по любви. Одни боги ведают, как девке могла прийти в голову подобная блажь! Теперь, разумеется, – продолжал он с набитым ртом, – все изменилось. Она увидела Ланселота и потеряла голову. Может, она и свадьбы дожидаться не станет? Сегодня же ночью, у себя в спальне, с ним и спознается? А может, и нет. Она такая правильная. – Это прозвучало осуждающе. – Возьми ребрышко. Тебе пора жениться.

– Ни одна девушка мне не нравится, – мрачно отвечал я. За исключением Кайнвин, конечно, но кто я такой, чтобы тягаться с Ланселотом?

– А жена и не должна нравиться, – презрительно отвечал Мерлин. – Артур думал иначе, вот и выставил себя дураком. Мужчине, Дерфель, нужна смазливая девка в постели, но только болван не видит, что девка и жена – разные вещи. Артур считает, что тебе надо жениться на Гвенвивах.

– Гвенвивах! – повторил я чересчур громко. Гвиневера терпеть не могла младшую толстуху-сестру. Я не испытывал к Гвенвивах особой неприязни, но и помыслить не мог, чтобы жениться на этой бесчувственной дурнушке.

– А почему нет? – в притворном возмущении проговорил Мерлин. – Отличный брак, Дерфель! Ты – сын саксонского раба, а Гвенвивах как-никак принцесса. Нищая, разумеется, и страшна, как дикая свинья, зато как она будет признательна! – Он осклабился. – А вспомни

ее бедра, Дерфель! Вот кому не составит труда разродиться! Будет выплевывать щенят, как косточки!

Интересно, думал я, кто предложил этот брак: Артур или Гвиневера? Скорее всего, Гвиневера. Она сидела, вся в золоте, рядом с Кунегласом, и на лице ее явно читалось торжество. В тот вечер невероятная красота Гвиневеры была еще ослепительней. Возможно, ей шла беременность, однако другое объяснение представляется мне более вероятным: Гвиневера упивалась торжеством над людьми, некогда презиравшими ее, нищую изгнанницу. Теперь, благодаря Артурову мечу, она могла распоряжаться ими, как Артур распорядился их королевством. Именно Гвиневера из всех сил поддерживала Ланселота, она убедила Артура пообещать ему трон Силурии. Идея женить его на Кайнвин тоже принадлежала ей. Теперь, по всей видимости, она решила наказать меня за враждебность к Ланселоту, повесив мне на шею свою невзрачную сестру.

– Что-то я не вижу счастья на твоем лице, – заметил Мерлин.

Я не поддался на провокацию и спросил:

– А ты, господин? Ты счастлив?

– Тебе-то что? – беспечно проговорил он.

– Я люблю тебя как отца, – отвечал я.

Мерлин загоготал так, что чуть не подавился куском свинины, но даже это не умерило его веселья.

– Как отца!.. Ну, Дерфель, какой же ты сентиментальный болван. Я вырастил тебя лишь потому, что считал избранником богов. Может, я и не ошибся. Порою боги выбирают себе самых нелепых любимчиков. Ну-ка скажи, преданный сын, готов ли ты оказать мне услугу?

– Какую, господин? – спросил я, заранее зная ответ. Ему нужны были спутники в походе за Котлом.

Мерлин понизил голос и наклонился к моему уху, хотя вряд ли кто-нибудь слушал наш разговор в разгар пьяной пирушки.

– Британия, – сказал он, – страдает от двух хворей, однако Артур и Гвиневера видят только одну.

– Саксов.

Мерлин кивнул.

– Если изгнать саксов, Британия все равно останется недужной, ибо мы рискуем утратить своих богов. Христианство распространяется быстрее, чем саксы, а для богов христиане ненавистнее любого захватчика. Если новую веру не остановить, боги покинут нас навсегда, а что Британия без них? Однако если мы обуздаем богов и вернем их в Британию, и саксы, и христиане рассеются сами собой. Мы боремся не с той болезнью, Дерфель.

Я взглянул на Артура, который внимательно слушал Кунегласа. Артур был религиозен, но не фанатичен и терпимо относился к тем, кто верит в других богов. Я понимал, что ему не понравятся слова Мерлина о борьбе с христианами.

– И никто не желает слушать тебя, господин?

– Есть такие, кто слушает, да их мало, – проворчал он. – Артур считает, что я выжил из ума. А ты, Дерфель, тоже так думаешь?

– Нет, господин.

– И ты веришь в магию?

– Да, господин. – Я видел успехи магии, как видел и ее неудачи. Магия не всегда удается, но я в нее верил.

Мерлин наклонился еще ниже к моему уху.

– Тогда приходи сегодня ночью на Долфорвин, – прошептал он, – и я исполню твое заветное желание.

Арфист тронул струну, призывая бардов начать пение. Порыв холодного ветра ворвался в открытую дверь. Задрожало пламя сальных свечей и тростниковых светильников. Голоса пирующих смолкли.

– Заветное желание, – снова прошептал Мерлин.

Когда я обернулся, его уже рядом не было.

Гроза бушевала всю ночь. Боги ярились, а меня призвали на Долфорвин.

* * *

Я ушел с пира до раздачи даров, до пения бардов, до того, как воины пьяными голосами затянули Песнь Нуифре. Я слышал ее у себя за спиной, идя мимо того места, где Кайнвин рассказала мне о сне на ложе из черепов и непонятном пророчестве.

Я был в доспехах, но без щита. На боку висел мой меч, Хьюэлбейн, на плечах – привычный зеленый плащ. Ночью всякий выходит с опаской, ибо ночь принадлежит злым духам, однако меня призвал Мерлин, и я знал: ничто мне не грозит.

Идти было легко: от городских стен на восток к горному кряжу, у южного основания которого лежал Долфорвин, вела дорога. Впрочем, путь неблизкий – четыре часа в крошечной тьме под проливным дождем. Наверное, меня вели боги, поскольку я не заплутал во мраке и не встретил в ночи опасности.

Я знал, что Мерлин где-то впереди, но, несмотря на молодость, не мог ни догнать его, ни хотя бы услышать. Слух различал лишь отзвуки далекого пения, а когда они стихли, остались плеск реки по камням, стук дождя по листьям, визг пойманного лаской зайца да крик барсучихи, зовущей своего самца. Я миновал два поселения: в отверстия из-под крытых папоротником крыш сочился свет догорающих очагов. Из одной лачуги меня неприятливо окликнули; я ответил, что иду мимо с миром, и селянин успокоил лающего пса.

Я сошел с дороги, чтобы отыскать тропу, ведущую на Долфорвин, и наверняка заблудился бы в густой дубраве, но тут грозовые облака разошлись, и лунный свет, пробившись через мокрые листья, лег на каменистую тропку, выходящую посолонь вокруг царского холма. Никто здесь не жил. Меня окружали дубы, камень и загадка.

Тропа вела от деревьев на широкую голую вершину, где высилось пиршественное здание. Здесь, в кругу стоячих камней, Кунегласа недавно провозгласили королем. То было самое святое место Повиса, однако приходили сюда лишь несколько раз в году, для празднеств и тризн. Сейчас здание одиноко чернело в тусклом свете луны; вершина казалась пустой.

Я помедлил на краю рощи. Мимо пролетела белая сова, едва не задев короткими крыльями волчий хвост на гребне моего шлема. Сова – к чему-то, только я не мог вспомнить, хорошая это примета или дурная, поэтому вдруг испугался. Любопытство привело меня на Долфорвин, но теперь я чувствовал опасность. Мерлин не пообещал бы исполнить мое заветное желание ни за что ни про что; очевидно, мне предстояло сделать выбор, надо полагать, неприятный. Я так испугался, что едва не повернул в дубраву, но тут на левой ладони запульсировал шрам.

Его оставила Нимуэ; всякий раз, как он начинал пульсировать, я знал, что сейчас свершится судьба. Я дал клятву Нимуэ. Мне нельзя отступать.

Ливень закончился, облака разошлись. Холодный ветер гнул вершины деревьев, однако дождя не было. Утро близилось, но заря не окрасила розовым верхушки восточных холмов, лишь серебрились в зыбком лунном свете стоячие камни Долфорвинского королевского круга.

Я шел к камням. Казалось, сердце в груди стучит громче, чем тяжелая обувь по земле. Никто не появлялся, и я уже подумал было, что Мерлин надо мной пошутил, когда в центре круга, где лежал камень – символ королевской власти Повиса, – что-то сверкнуло ярче, чем лунный отблеск на мокрой скальной поверхности.

Я подошел ближе, чувствуя, как колотится сердце, шагнул в просвет между камнями и увидел, что блестит кубок. Маленький серебряный кубок. Приблизившись, я понял, что он наполнен темной жидкостью.

– Пей, Дерфель, – прошелестел голос Нимуэ, едва различимый за шумом ветра в дубовых кронах. – Пей.

Я обернулся, ища ее глазами, но никого не увидел. Ветер раздул плащ, зашуршал соломенной кровлей пиршественного дома.

– Пей, Дерфель, – повторил голос Нимуэ. – Пей.

Я поднял глаза к небу и вознес мольбу Ллеу Ллау, чтобы тот меня сохранил. Левая рука, пульсирующая от мучительной боли, крепко стиснула рукоять Хьюэлбейна. Я знал, что безопаснее всего – вернуться в тепло Артуровой дружбы, однако тоска, пригнавшая меня на голый холодный холм, и воспоминание о руке Ланселота на тонком запястье Кайнвин заставляли глядеть на чашу.

Я поднял ее и, помедлив, осушил.

Напиток был таким горьким, что меня передернуло. Во рту остался неприятный привкус. Я осторожно поставил чашу на камень.

– Нимуэ? – Крикнув, я услышал лишь шум ветра.

– Нимуэ! – снова крикнул я. Голова кружилась. Черные тучи стремительно неслись в небе, лунный свет, пробиваясь в рваные дыры, неровными отсветами ложился на мятущиеся ивы вдоль серебристого лезвия реки.

– Нимуэ! – простонал я. Ноги подломились, в сознание хлынул водоворот ярких видений. Я стоял на коленях перед королевским камнем, внезапно выросшим до размеров горы. В следующий миг я тяжело рухнул ничком, в падении сбросив на землю пустую чашу. Меня мутило, в голове вопили призраки ночи. Я кричал, обливаясь потом, и бился в судорогах.

Чьи-то руки обхватили мою голову, стащили шлем, чей-то лоб – холодный и бледный – коснулся моего лба. Жуткие видения исчезли. Вместо них возникла бледная нагая фигура, узкобедрая, с маленькими грудями.

– Спи, Дерфель, – ласково проговорила Нимуэ, глядя мои волосы. – Спи, милый.

Я беспомощно плакал. Я, воин, лорд Думнонии, возлюбленный друг Артура, которого тот в благодарность за одержанную победу готов осыпать несметными богатствами, рыдал, как осиротевшее дитя. Кайнвин, моя любовь, мое единственное заветное желание, ослеплена Ланселотом, и мне никогда не узнать счастья.

– Спи, милый, – шептала Нимуэ.

Наверное, она накрыла нас обоих черным плащом, потому что серая ночь исчезла, остались мрак и безмолвие. Нимуэ обнимала меня за шею, наши лица соприкасались. Мы стояли на коленях, щека к щеке, мои руки на ее нагих бедрах сводила судорога. Я привалился к ней быющим телом, и здесь, в ее объятиях, рыдания прекратились, спазм отпустил, и пришло спокойствие. Меня больше не мутило, боль в ногах утихла, по жилам разлилось тепло – такое сильное, что пот хлынул ручьями. Я не двигался, желая одного – сдаться на милость сна.

Сперва мне снилось, что я на орлиных крыльях лечу высоко над незнакомой местностью. Причем местность эта ужасна – рассечена бездонными ущельями и высокими зубчатыми хребтами, с которых в темные торфянистые озера сбегает белые водопады. Казалось, не будет ни конца горам, ни приюта: мчась на крыльях сна, я не видел ни жилья, ни полей, ни стад, ни пастухов – вообще ни души, только волк пробирался среди скал да оленьи кости лежали в зарослях. Небо надо мной было серо, как меч, горы внизу – темны, как запекшаяся кровь, воздух под крыльями – холоден, как приставленный к ребрам кинжал.

– Спи, милый, – прошептала Нимуэ, и во сне, снизившись на крыльях, я увидел дорогу меж черных холмов. Неровная, каменистая, она неумолимо змеилась из долины в долину, порою взбираясь на бесприютный перевал, прежде чем нырнуть к голым камням следующего

речного ложа. Дорога огибала черные озера, перекидывалась через мглистые ущелья, вилась у подножия снежных пиков, но упрямо вела на север. Не знаю, как я понял, что именно на север, во сне объяснения не нужны.

Крылья опустили меня на дорогу, и внезапно я осознал, что уже не лечу, а взбираюсь на перевал. Черные сланцевые уступы по обеим сторонам сочились водой, но почему-то я знал, что сразу за перевалом – конец пути. Надо лишь переставлять усталые ноги, и за хребтом я обрету свое заветное желание.

Я задыхался, воздух с хрипом вырывался из легких. Последний отрезок пути, и здесь, на вершине, мне предстали свет, тепло и яркие краски.

За перевалом лежали леса и поля, за ними – море, в море – остров, а на острове под внезапно выглянувшим солнцем блестело озеро.

– Вот оно! – громко сказал я, ибо понял, что озеро и есть моя цель.

Силы вернулись, я хотел уже пробежать последние несколько миль и нырнуть в залитое солнцем море, однако путь мне преградил упырь. Он был черен, в черных доспехах, пасть изрыгала черную слизь, черная когтистая лапа сжимала черный меч в два раза длиннее Хью-элбейна. «Стой!» – прорычал демон.

Я вскрикнул, и тело мое в объятиях Нимуэ напряглось и застыло.

Она стиснула мои плечи.

– Ты видел Темную дорогу, Дерфель, ты видел Темную дорогу.

В следующий миг Нимуэ отпрянула и сорвала с моей головы черный плащ. Я рухнул на мокрую траву Долфорвина. Вокруг свистел ледяной ветер.

Я лежал долго. Видения ушли, и я гадал, как Темная дорога связана с моим заветным желанием. Тут меня стошнило, и в голове прояснилось. Я увидел пустой серебряный кубок, поднял его и сел на корточки. Из-за королевского камня на меня смотрел Мерлин. Нимуэ, его возлюбленная и жрица, стояла рядом: тело закутано в черный плащ, черные волосы перехвачены лентой. Золотой глаз сверкал в лунном свете. Глаза ее лишил Гундлеус, за что и заплатил тысячекратно.

Оба молчали. Я сплюнул остатки рвоты, утер губы, потряс головой и попытался встать. То ли слабость еще не прошла, то ли головокружение одолело, так или иначе – подняться я не смог и остался стоять на коленях, упершись в камень локтями. По телу время от времени пробегала слабая судорога.

– Чем вы меня напоили? – спросил я, ставя чашу обратно на камень.

– Ничем тебя не поили, – отвечал Мерлин. – Ты выпил по своей собственной воле, Дерфель, как по своей воле пришел сюда. – Голос его звучал холодно и отдаленно. – Что ты видел?

– Темную дорогу, – покорно отвечал я.

– Она здесь. – Мерлин указал на север, в ночную тьму.

– А демон? – спросил я.

– Диурнах.

Я закрыл глаза, ибо понял, чего он от меня хочет.

– А остров, – спросил я, вновь открывая глаза, – Инис-Мон?

– Да, – отвечал Мерлин. – Благословенный остров.

До прихода римлян, когда о саксах никто еще и не слышал, Британией правили боги. Они обращались к нам с Инис-Мона. Потом римляне захватили остров, вырубали дубы, осквернили священные рощи, убили друидов-хранителей. Это произошло более четырехсот лет назад, но для друидов, которые, подобно Мерлину, пытались вернуть Британию ее богам, Инис-Мон был по-прежнему свят. Теперь благословенный остров принадлежал королевству Ллейн, а Ллейном повелевал Диурнах, самый страшный из ирландских владык, отхвативших кусок британской земли. Говорили, что он красит щиты человеческой кровью. Не было в Британии более жестокого короля; лишь горы на границах королевства да недостаток воинов мешали ему распро-

странить свою чудовищную власть на Гвинедд. Диурнах – зверь, которого не убьешь, угроза, затаившаяся в темном углу Британии. Все считали, что с ним лучше не связываться.

– Ты зовешь меня идти с тобою на Инис-Мон? – спросил я.

– Я зову тебя идти на Инис-Мон с нами, – Мерлин указал на Нимуэ, – и девственным существом.

– С кем? – переспросил я.

– Лишь девственное существо способно отыскать Котел Клиддно Эйддина. А никто из нас, полагаю, не подходит под это определение, – ехидно заметил Мерлин.

– А Котел, – медленно проговорил я, – на Инис-Моне.

Мерлин кивнул, и меня передернуло при мысли о таком путешествии. Котел Клиддно Эйддина – одно из Тринадцати Сокровищ Британии – исчез, когда римляне разорили Инис-Мон. Мерлин посвятил всю свою жизнь возвращению сокровищ, из которых главным считал Котел. При помощи Котла, считал он, можно будет подчинить себе богов и уничтожить христиан. Вот почему я стоял сейчас на коленях в кругу священных камней, с резью в животе и горьким вкусом во рту.

– Мое дело, – сказал я, – биться против саксов.

– Глупец! – рявкнул Мерлин. – Война против саксов проиграна, если мы не вернем сокровища.

– Артур думает иначе.

– Значит, Артур не умнее тебя. Что саксы по сравнению с утратой наших богов?

– Я поклялся служить Артуру.

– Мне ты тоже поклялся. – Нимуэ подняла ладонь, показывая такой же, как у меня, шрам.

– Я никого не возьму против его воли, – сказал Мерлин. – Выбирай, с кем ты, Дерфель. Я помогу тебе сделать выбор.

Он смахнул кубок на землю и высыпал на его место пригоршню свиных ребер, которые прихватил из пиршественного зала, потом опустился на колени и положил в центре камня одну косточку.

– Вот Артур, – сказал Мерлин, – а вот... – он взял еще косточку, – Кунеглас. Об этом, – он положил третью косточку так, что получился треугольник, – мы поговорим позже. – Вот Тевдрик Гвентский... – Четвертая косточка легла на один из углов. – Это – Артуров союз с Тевдриком, а это – его союз с Кунегласом. – Теперь на первом треугольнике лежал второй; вместе они образовали грубое подобие шестиконечной звезды. – Вот Элмет... – Мерлин принялся выкладывать третий слой параллельно первому, – вот Силурия, а это... – он положил последнее ребрышко... – союз всех королевств. – Старик откинулся назад и указал на шаткую башенку из костей. – Перед тобой, Дерфель, тщательно составленный план Артура, только поверь мне, без сокровищ Британии он рассыплется на куски.

Мерлин замолчал. Я ошарашенно смотрел на девять косточек. Все они, за исключением таинственной третьей, хранили следы мяса и хрящей; лишь одна была обглодана добела. Я тронул ее пальцем – осторожно, чтобы не разрушить шаткую постройку.

– Так что означает третья кость? – спросил я.

Мерлин ухмыльнулся.

– Третья кость – брак между Ланселотом и Кайнвин. – Он помолчал. – Вытащи ее, Дерфель.

Я не шелохнулся. Вытащить третью кость значило обрушить хрупкую систему союзов, с помощью которой Артур только и мог победить саксов.

Мерлин ослабил, взялся за третью кость, однако вытаскивать ее не стал.

– Боги ненавидят порядок. Порядок губит богов, значит они должны погубить порядок. – Он вытащил кость, и башня рухнула хаотичной грудой. – Если Артур хочет мира в Британии, он должен вернуть богов.

Мерлин протянул мне кость.

Я замер.

– Перед тобой всего лишь груда костей, – сказал Мерлин, – но эта косточка, Дерфель, – твое заветное желание. – Он протянул мне белое ребрышко. – Эта косточка – брак между Ланселотом и Кайнвин. Сломай ее, и свадьбы не будет. Оставь целой – и твой враг будет тешиться с твоей женщиной. – Старик снова сунул мне ребрышко, и я снова его не взял. – Думаешь, любовь к Кайнвин не написана на твоей физиономии? – язвительно продолжал он. – Бери! Я, Мерлин Авалонский, дарю тебе власть этой кости.

Я взял ее. Да простят меня боги, я ее взял. Что мне оставалось? Я умирал от любви, поэтому я взял обглоданную кость и положил в сумку.

– Если не сломать ее, проку не будет, – насмешливо проговорил Мерлин.

– А может, проку не будет, даже если сломать, – проговорил я, обнаруживая наконец, что способен стоять на ногах.

– Ты глупец, Дерфель, – сказал Мерлин, – ты глупец, ловкий в обращении с мечом, и потому нужен мне на Темной дороге. – Он выпрямился. – Выбор за тобой. Вот тебе мое слово: сломай кость, и Кайнвин будет твоей, но в таком случае ты даешь клятву идти за Котлом. Или женись на Гвенвивах и молоти по саксонским щитам, покуда христиане подминают под себя Думнонию. Выбирай сам. А теперь закрой глаза.

Я послушался и довольно долго стоял зажмурившись. Новых указаний не последовало, и я, подождав еще немного, открыл глаза.

Вершина была пуста. Неслышно для меня Мерлин, Нимуэ, восемь костей и чаша исчезли. На востоке брезжил рассвет, лес наполнился птичьим пением, в сумке у меня лежала обглоданная добела кость.

Я спустился к дороге, идущей по берегу реки, но перед глазами стояла другая дорога – та, что вела к логову Диурнаха. Мне было страшно.

Глава 2

В то утро мы охотились на вепря. Едва вышли из Кар-Своса, Артур обратился ко мне:

– Ты рано вчера ушел с пира.

– Живот прихватило, господин. – Я не хотел говорить, что был с Мерлином, – стало бы ясно, что я не оставил мысли отправиться за Котлом. Уж лучше солгать.

– Не знаю, почему мы зовем это пирами, – рассмеялся Артур. – Повод напиться, не более того.

Он остановился подождать Гвиневеру. Она любила охоту и была сегодня в башмаках и клетчатых штанах, плотно зашнурованных и облегающих ноги. Кожаная куртка и зеленый плащ скрывали беременность. Гвиневера привезла с собой любимых гончих и сейчас вручила мне поводки, чтобы Артур перенес ее через брод у подножия старой крепости. Ланселот предложил перенести Кайнвин – та восхищенно ахнула, когда он подхватил ее на руки. Кайнвин тоже оделась по-мужски, но не так изящно, как Гвиневера, – видимо, просто одолжила у брата лишний охотничий наряд. В мешковатой, не по размеру, одежде она смахивала на мальчишку и казалась куда моложе утонченно-изысканной Гвиневеры. Обе были без копий, хотя Борс, двоюродный брат и защитник Ланселота, нес запасное копьё на случай, если Кайнвин захочет паразитить добычу. Артур настоял, чтобы Гвиневера копы не брала.

– Тебе надо себя поберечь, – сказал он, опуская ее на землю за бродом.

– Ты слишком обо мне беспокоишься. – Она забрала у меня поводки и взъерошила пышную рыжую гриву, прежде чем повернуться к Кайнвин. – Стоит забеременеть, и мужчины начинают думать, будто ты стеклянная.

Она нагнала Ланселота, Кайнвин и Кунегласа, предоставив Артуру идти рядом со мной. Впереди лежала зеленая лощина, в которой охотники Кунегласа видели много дичи. Нас было человек пятьдесят, по большей части воины, хотя разрешили пойти и нескольким женщинам; шествие замыкали десятка два слуг. Один из челядинцев затрубил в рог, чтобы загонщики в дальнем конце долины гнали дичь к реке. Мы, потрясая длинными тяжелыми копьями, рассыпались в цепь. День выдался холодным, изо рта поднимался морозный пар, но дождь перестал, и солнце сияло над полями, одетыми легкой кружевной дымкой.

Артур был в отличном настроении. Его радовало все: и красота дня, и собственная молодость, и азарт предстоящей охоты.

– Еще один пир, – сказал он, – и можно ехать домой.

– Еще пир? – переспросил я, туго соображая после бессонной ночи и неведомого снадобья, которым Мерлин и Нимуэ угостили меня на вершине Долфорвина.

Артур похлопал меня по плечу.

– Сговор Ланселота, Дерфель. А потом назад, в Думнонию, и за работу.

Он с жаром принялся рассказывать о своих планах на будущую зиму: починить четыре рухнувших римских моста, потом отправить каменщиков в Линдинис – восстанавливать королевский дворец. В Линдинисе – римском городе неподалеку от Кар-Кадарна – некогда провозглашали королей, и Артур намеревался перенести туда столицу.

– В Дурноварии слишком много христиан, – сказал он и тут же поспешил добавить, что ничего против христиан не имеет.

– Вот только они имеют кое-что против вас, господин, – сухо заметил я.

– Некоторые – да, – признал он.

Перед Лугг-Вейлом, когда казалось, что дело Артура проиграно, его противники в Думнонии подняли голову. Возглавляли эту партию христиане – те самые, что опекали Мордред. Злились они главным образом из-за того, что Артур вынудил церковь одолжить ему денег на

кампанию, закончившуюся битвой в Лугг-Вейле. Как странно, подумалось мне: церковь, проповедующая бедность, никогда не прощает должников.

– Я хотел поговорить с тобой о Мордред, – сказал Артур, объясняя, почему искал разговора со мной. – Через десять лет он достаточно подрастет, чтобы занять трон. Срок недолгий, совсем недолгий, и в эти десять лет его надо правильно воспитать. Научить письму, обращению с мечом и ответственности.

Я кивнул, но без особого жара. Разумеется, пятилетний Мордред выучится всему, чего захочет Артур, только я-то здесь ни при чем. Артур, впрочем, думал иначе.

– Я хочу, чтобы ты стал его наставником, – огорошил он меня.

– Что?!

– Набур более занят собой, нежели воспитанием питомца. – (Набур был христианский магистрат и нынешний опекун Мордреда. Он-то больше других и строил козни против Артура. Он и, разумеется, Сэнсам.) – К тому же Набур – не воин. Я мечтаю, чтобы правление Мордреда было мирным, однако ему необходимо овладеть и воинским искусством, и я не могу придумать лучшего наставника, чем ты.

– Я слишком молод, чтобы учить!

Артур рассмеялся.

– Молодежь должны воспитывать молодые.

Прозвучал рог, означавший, что дичь гонят к нам. Мы вошли в лес, переступая через густой вереск и поросшие древесными грибами мертвые стволы. Каждый прислушивался, ожидая, как захрустит подлесок под бегущим кабаном.

– И потом, – продолжал я, – мое место – рядом с тобой в строю, а не в детской Мордреда.

– Ты останешься в строю. Думаешь, я отпущу тебя насовсем, Дерфель? – Артур широко улыбнулся. – Я не хочу привязывать тебя к Мордреду. Пусть просто живет в твоём доме. Главное, чтобы его воспитывал честный человек.

Я пожал плечами, сочтя эти слова обычным комплиментом, и тут же со стыдом вспомнил про кость в сумке. Честно ли воспользоваться магией, чтобы изменить решение Кайнвин? Я взглянул на нее. Она ответила мне взглядом и робкой улыбкой.

– У меня нет дома, – сказал я Артуру.

– Будет, и очень скоро, – проговорил он и тут же поднял руку, призывая к молчанию.

Я прислушался. Впереди хрустел сучьями кто-то очень крупный. Мы пригнулись, держа копья в нескольких дюймах над землей, но вместо кабана из леса выбежал красавец олень с короной золотистых рогов и пронёсся мимо. Мы выпрямились.

– Может быть, поохотимся на него завтра, – сказал Артур, провожая оленя глазами. – Заодно собаки твои побегают! – крикнул он Гвиневере.

Та, смеясь, сбежала с пригорка навстречу нам. Псы рвались с поводков.

– С радостью! – Глаза ее сверкали, лицо покраснело от мороза. – Охота здесь лучше, чем в Думнонии.

– А земля хуже, – обратился Артур ко мне. – К северу от Дурноварии есть поместье, которое принадлежит Мордреду. Я хочу поручить его тебе. Ты получишь и другие земли, в полную собственность, а поселиться сможешь на земле Мордреда и там его воспитывать.

– Я знаю это поместье, – вставила Гвиневера. – Оно лежит к северу от владений Гиллада.

– Мне оно тоже известно. – Там были хорошие низинные земли для посевов и холмистые луга для овец. – Я не уверен, что смогу воспитать ребенка.

Впереди затрубили рога, залаяли псы. Справа разнеслись торжествующие крики – кто-то добыл зверя, однако наша часть леса оставалась пустой. Слева бежал ручеек, справа уходил вверх лесистый склон. Камни и корявые древесные корни густо покрывал мох.

Артур не желал слышать о моих сомнениях.

– Тебе не придется воспитывать Мордреда. Пусть просто растет в твоём доме, среди твоих слуг. И чтобы рядом был ты, со своими принципами и суждениями.

– И твоё жена, – добавила Гвиневера.

Хрустнула ветка, и я поднял взгляд. Чуть выше по склону стояли перед Кайнвин Ланселот и его двоюродный брат Борс. Ланселот, в сапогах и плаще из мягкой кожи, держал выкрашенное белым копьё. Я снова взглянул на Артура.

– Про жену, господин, я слышу впервые.

Артур, позабыв про охоту, стиснул мне локоть.

– Я намереваюсь сделать тебя защитником Думнонии, – сказал он.

– Честь эта слишком для меня высока, – отвечал я. – И к тому же защитник Мордреда – ты.

– Принц Артур, – вмешалась Гвиневера (ей нравилось называть его принцем, хотя на самом деле он был незаконным сыном короля), – и без того глава совета. Не может же он взвалить на себя все!

– Истинная правда, госпожа. – Мне льстила предложенная честь, пусть и связанная с определёнными обязательствами. В бою она означала единоборство с защитниками противной стороны, в мирное время – почет и богатство. Я носил титул лорда, дающий право рисовать свой знак на щитах воинов, однако эту привилегию делили со мной четыре десятка думнонийских военачальников. Назначить человека королевским защитником значило объявить его первым воином Думнонии; я не представлял, кто вправе претендовать на этот титул, пока жив Артур. И Саграмор.

– Саграмор, – осторожно сказал я, – превосходит меня на поле брани, о принц.

В присутствии Гвиневеры я должен был хотя бы изредка называть Артура принцем, хотя сам он этого не любил.

У Артура был готов ответ.

– Я сделаю Саграмора Хозяином Камней; ничего другого ему не нужно.

Это означало, что Саграмор будет стеречь саксонскую границу; я охотно верил, что чернокожий воин удовольствуется таким поручением.

– А ты, Дерфель, – Артур ткнул меня в грудь, – будешь защитником.

– И кто же, – сухо спросил я, – будет женой защитника?

– Моя сестра Гвенвивах, – отвечала Гвиневера, не спуская с меня пристального взгляда. Я порадовался, что Мерлин меня предупредил, и отвечал вежливо:

– Это слишком большая честь, госпожа.

Гвиневера довольно улыбнулась, приняв мои слова за выражение согласия.

– Думал ли ты когда-нибудь, что женишься на принцессе, а, Дерфель?

– Нет, госпожа, – отвечал я.

Гвенвивах, как и Гвиневера, действительно была принцессой Хенис-Вирена, хотя самого Хенис-Вирена больше не существовало. Теперь это скорбное королевство звалось Ллейн, и правил им жестокий ирландский захватчик, король Диурнах.

Гвиневера дернула поводки, чтобы сдержать беснующихся собак.

– Сговор можно устроить сразу, как вернёмся в Думнонию, – сказала она. – Гвенвивах согласна.

– Есть одно препятствие, господин, – сказал я Артуру.

Гвиневера снова дернула за поводки, без всякой необходимости. Она терпеть не могла, когда ей перечат, поэтому направила свой гнев на собак. В то время она не питала ко мне особой неприязни, как, впрочем, и любви. Ей, разумеется, не нравилось моё отношение к Ланселоту, но Гвиневера и не принимала меня всерьёз: один из мужниных полководцев, неотесанный мужлан.

– Какое препятствие? – угрожающе переспросила она.

– О принц... – Я тщательно подчеркивал, что обращаюсь к Артуру, а не к его жене. – Я дал клятву даме. – Мне вспомнилась кость в сумке. – Она не дала мне в ответ обещаний, но если она того потребует, я должен повиноваться.

– Кто она? – тут же спросила Гвиневера.

– Не могу ответить, госпожа.

– Кто? – требовательно повторила Гвиневера.

– Дерфель вправе не отвечать, – с улыбкой вступился за меня Артур. – И сколько еще ты будешь под властью этой дамы?

– Недолго, господин, – сказал я. – Осталось несколько дней.

Как только Кайнвин обручится с Ланселотом, я смогу считать себя свободным от клятвы.

– Отлично, – с жаром произнес Артур и улыбнулся Гвиневере, словно приглашая разделить свою радость, однако Гвиневера лишь злобно оскалилась. Она презирала скучную дурнушку Гвенвивах и больше всего на свете хотела поскорее сбить ее с рук.

– Если все будет хорошо, – сказал Артур, – поженитесь в Глевуме в тот же день, что и Ланселот с Кайнвин.

– Или эти несколько дней тебе нужны, чтобы выдумать повод не жениться на моей сестре? – ехидно осведомилась Гвиневера.

– Госпожа, – пылко отвечал я, – жениться на Гвенвивах – большая честь.

Тут я не кривил душой; Гвенвивах, без сомнения, стала бы верной супругой. Другой вопрос, стал бы я хорошим мужем, если бы женился на Гвенвивах ради ее высокого титула и приданого, из-за которых, собственно, мужчины, как правило, и женятся. И если Кайнвин не будет моей, какая разница, кого взять в жены? Мерлин советовал не путать женитьбу с любовью и, при всем своем цинизме, был прав. От меня не требовали полюбить Гвенвивах – только жениться на ней, получив ее приданое и титул как награду за долгий кровавый бой в Лугг-Вейле. Пусть к дару прилагается насмешка Гвиневеры – это не умаляет его ценности.

– Я охотно женюсь на твоей сестре, если дама, которой я дал клятву, не воспрепятствует.

– Хорошо бы так, – с улыбкой произнес Артур и тут же стремительно развернулся: выше по склону раздались крики.

Борс пригнулся, держа копьё почти у самой земли. Ланселот был рядом с ним, но смотрел в нашу сторону, возможно, опасаясь, что кабан проскочит там, где никого нет. Артур мягко отодвинул Гвиневеру и махнул рукой, приказывая мне занять место на склоне.

– Их двое! – крикнул Ланселот.

– Значит, с ним matka, – отозвался Артур и пробежал несколько шагов вдоль ручья, прежде чем тоже начать подъем. – Где?

Ланселот указал копьём. Я ничего не заметил в густом подлеске.

– Вон они! – раздраженно повторил Ланселот, тыча копьём в направлении кустов.

Мы с Артуром пробежали еще несколько футов и наконец увидели кабана. Это был старый секач с желтыми клыками, маленькими глазками и могучими мышцами под темной, покрытой шрамами шкурой. Кабаны невероятно проворны, а их острые клыки способны в мгновение ока нанести смертельную рану; особенно опасен самец, защищающий самку. Легче всего уложить зверя на открытом месте, когда тот сам мчится на твое копьё. Да, от охотника требуется умение и выдержка, но еще больше выдержки надо, чтобы самому атаковать дикую свинью.

– Кто первым его заметил? – спросил Артур.

– Мой государь, – Борс указал на Ланселота.

– Тогда он твой, – произнес Артур, щедро уступая Ланселоту добычу.

– Я дарю его тебе, – отвечал Ланселот.

Кайнвин стояла позади него, закусив нижнюю губу, глаза у нее расширились. Она забрала у Борса копьё – не для того, чтобы пустить в ход, а чтобы избавить королевского защитника от лишнего груза, и сейчас судорожно сжимала древко.

– Спустим на него собак! – крикнула, подходя, Гвиневера. Ее глаза сверкали, лицо покраснелось. Полагаю, она скучала в пышных дворцах Думнонии и радовалась охоте как случаю пощекотать нервы.

– Потеряешь обоих, – предостерег Артур. – Этот секач – старый боец.

Он осторожно двинулся вперед, думая, как лучше выманить кабана из укрытия, потом резко шагнул к кустам и пригнул их копьём, словно приглашая зверя выйти наружу. Кабан засопел, но не шелохнулся даже тогда, когда наконечник копьёя мелькнул в нескольких дюймах от его рыла. Матка жалась за секачом.

– Это не первая его встреча с охотниками, – весело объявил Артур.

– Позвольте мне, господин. – Я внезапно за него испугался.

– Думаешь, я разучился? – улыбнулся Артур. Он снова ударил по кустам, однако кабан словно прирос к месту. – Да благословят тебя боги! – крикнул Артур кабана и прыгнул в кусты. Приземлившись сбоку от примятых веток, он нацелил копьё в левый бок зверя, перед самой лопаткой.

Кабан чуть заметно мотнул головой, и копьё, отскочив от клыка, прочертило кровавый, но неопасный след по его боку. В следующий миг зверь бросился на Артура. Кабану ничего не стоит с места перейти в атаку, опустив голову и подняв клыки, Артур же, как назло, запутался в ветках.

Я закричал, отвлекая зверя, и всадил наконечник копьёя ему в брюхо. Артур лежал на спине, уронив копьё, кабан навис над ним, собаки надрывались лаем, Гвиневера кричала, чтобы кто-нибудь помог ее мужу. Мое копьё глубоко ушло в звериное брюхо, из раны мне на руки хлестала кровь; действуя древком как рычагом я попытался опрокинуть кабана на бок. Он весил как два мешка с зерном, а мышцы у него были, словно стальные канаты. Я надавил сильнее... И тут вперед бросилась матка и сбила меня с ног.

Артур двумя руками ухватил кабана за клыки и давил изо всех сил, пытаясь его оттолкнуть. Матка убежала вниз, к ручью. «Убей его!» – со смехом кричал Артур. Он был на волосок от гибели, но все равно смеялся, захваченный азартом. «Убей его!» Зверь брыкался, его слюна капала Артуру на лицо, кровь заливала одежду.

Я лежал на спине, лицо было изодрано о колючки. Покуда я вставал и тянулся к копьёю, все еще торчащему из звериного брюха, Борс кинжалом ударил кабана в шею. Зверь начал слабеть. Артур сумел наконец оторвать его окровавленную голову от своей груди. Я ухватился за копьё и провернул наконечник в могучем брюхе. Борс ударил во второй раз. Кабан выпустил на Артура струю мочи, дернулся и обмяк. Артур, весь в крови и моче, оказался наполовину придавлен тушей.

Он осторожно выпустил кабаньи клыки и зашелся беспомощным смехом. Мы с Борсом рывком стащили тушу с Артура. Один из клыков разодрал ему куртку. Бросив тушу, мы помогли Артуру подняться и теперь все трое стояли, широко улыбаясь, грязные, ободранные, в листьях, сучках и кабаньей крови.

– У меня здесь синячище, – сказал Артур, хлопая себя по груди, и повернулся к Ланселоту, который во время схватки словно прирос к месту. Наступила неловкая пауза, затем Артур слегка поклонился.

– Ты сделал мне славный подарок, а я принял его в высшей степени бесславно. – Он вытер глаза. – И все равно спасибо за потеху. Этого кабана мы съедим на пиру в честь твоего обручения.

Артур взглянул на Гвиневеру – она была очень бледна и дрожала – и тут же шагнул к ней.

– Тебе дурно?

– Нет, нет. – Гвиневера обхватила Артура за шею и припала лицом к его окровавленной груди. Она плакала. Я впервые видел ее в слезах.

Артур похлопал жену по спине.

– Никакой опасности не было, милая, – сказал он. – Никакой опасности. Просто я сплеховал.

– Ты ранен? – спросила Гвиневера, отстраняясь от него и рукавом вытирая слезы.

– Только царапины.

Лицо и руки у него были изодраны колючками, но в остальном Артур не пострадал, если не считать синяка на груди. Он отошел от жены, поднял копье и рассмеялся.

– Меня положили на лопатки впервые за десять лет!

Подбежал встревоженный Кунеглас, потом подошли охотники, чтобы освежевать и унести тушу. Все наверняка приметили контраст между нами и Ланселотом, но никто не сказал ни слова. Мы все были возбуждены и торопились рассказать другим о том, как Артур удержал кабана за клыки. История распространялась быстро; вскоре весь лес огласился мужским хохотом. Не смеялся один Ланселот.

– Теперь надо отыскать кабана тебе, господин, – сказал я.

Мы стояли в нескольких шагах от толпы, обступившей убитого зверя. Один из загонщиков как раз вытаскивал внутренности, чтобы отдать их Гвиневериным псам.

Ланселот искоса поглядел на меня. Хотя нас связывала обоюдная ненависть, внезапно он улыбнулся.

– Полагаю, кабан все же лучше свиньи.

– Свиньи? – переспросил я, чуя оскорбление.

– Дикой свиньи, что на тебя напала. – Ланселот невинно поднял брови. – Ты же не подумал, что я о твоей женитьбе? – Он отвесил ироничный поклон. – Поздравляю тебя, Дерфель! Жениться на Гвенвивах!..

Я поборол ярость и заставил себя взглянуть в узкое насмешливое лицо, обрамленное бородкой и черными как смоль, прилизанными волосами.

– И я поздравляю тебя с невестой.

– Серена, звезда Повиса. – Ланселот взглянул на Кайнвин. Та стояла, закрыв лицо руками, чтобы не смотреть, как охотники вытаскивают из кабана кишки, и выглядела необычно юной. – Ну разве не красавица? – промурлыкал он. – Такая нежная. Я не верил рассказам о ее красоте, ибо кто ожидал найти такое сокровище в доме Горфиддида? Однако она прекрасна, и я – счастливец.

– Да, господин.

Ланселот со смехом отвернулся. Король и счастливый жених, он оставался моим злейшим врагом. Однако у меня в сумке лежала кость. Я проверил, не сломалась ли она во время схватки с кабаном. Кость была цела и по-прежнему дожидалась моего решения.

* * *

Каван, мой заместитель, приехал в Кар-Свос накануне помолвки Кайнвин и привез с собой сорок копейщиков. Галахад отослал их назад, решив, что в Силурии ему хватит оставшихся двадцати. Силуры, судя по всему, смирились с поражением, гибелью короля и поборами, которыми обложили их победители. Каван рассказал, что Энгус Деметийский, ирландский король, обеспечивший Артуру победу в Лугг-Вейле, забрал условленную долю рабов и сокровищ, еще столько же взял без спроса и отбыл восвояси. Силуры от души радовались, что их королем станет прославленный Ланселот.

– Они его ждут не дождутся, сукина сына, – объявил Каван, разыскав меня в доме Кунегласа. Он почесал блошинный укус под бородой. – Ну и дыра же эта Силурия.

– Воины у них что надо, – заметил я.

– Ну да, готовы драться как львы, лишь бы подальше от дома. – Он фыркнул. – Кто тебя расцарапал, господин?

– Колючки. Мы охотились на кабана.

– А я думал, ты тут без меня женился и жена раскорябала тебе физиономию в первую же брачную ночь.

– Я и впрямь скоро женюсь.

Мы вышли из дома на солнечную улицу Кар-Своса. Я рассказал, что Артур предложил мне стать его свояком и защитником Мордредра. Каван порадовался вести, что я скоро разбогатею. Он перебрался в наши края из Ирландии в надежде добыть богатство копьем и мечом, но золото в его руках не задерживалось из-за страсти к игре. Каван был в два раза старше меня, приземистый, широкоплечий, седобородый; руки его сплошь покрывали браслеты, которые мы выковывали из оружия побежденных врагов.

По поводу невесты, которая должна была принести мне дорогое приданое, он высказался тактично:

– Не красавица, как ее сестра.

– Верно, – признал я.

– А ежели честно, – продолжал Каван, забыв про такт, – то страшна, как мешок жаб.

– Дурнушка, – согласился я.

– Однако из дурнушек выходят самые хорошие жены, господин, – объявил Каван. Сам он ни разу не женился, хотя женщины у него были всегда. – И она принесет богатство нам всем, – довольно заключил он.

Ради этого я и собирался жениться на бедняжке Гвенвивах. Здравый смысл советовал не полагаться на свиное ребрышко, долг же требовал вознаградить моих воинов. Они лишились почти всего имущества при падении Инис-Требса и отважно сражались против Горфиддида в Лугг-Вейле. Видят боги, они заслужили большей благодарности от своего предводителя!

Я приветствовал воинов, ожидавших, когда их разместят на ночлег, и порадовался, увидев среди них Иссу, лучшего из моих копейщиков; этот жизнерадостный деревенский силач в бою защищал меня справа. Я обнял его, потом выразил сожаление, что не приготовил подарков.

– Наша награда близка, – добавил я и оглядел десятка два девушек, которых мои бойцы вывезли из Силурии, – хотя, как я погляжу, кое-кто из вас уже обзавелся наградой.

Они рассмеялись. Подруга Иссы была смазливая темноволосая девчушка лет, наверное, четырнадцати. Он с гордостью представил ее мне.

– Скарах, господин.

– Ирландка? – спросил я.

Скарах кивнула.

– Я была рабыней у Лэдвис, господин. – Она говорила на ирландском, языке, похожем на наш, но, как и имя, сразу выдающем ее происхождение. Я догадался, что люди Гундлеуса захватили ее во время набега на земли короля Энгуса. Большая часть рабов-ирландцев была из таких же поселений на западном берегу Британии, хотя, полагаю, никому еще не удалось добыть невольников в Ллейне. Лишь безумец решился бы сунуться во владения Диурнаха.

– Лэдвис! – воскликнул я. – Что с ней?

Смуглая и рослая Лэдвис была тайной женою Гундлеуса, от которой тот отрекся, когда Горфиддид предложил ему руку Кайнвин.

– Мы убили ее, господин, – радостно объявила Скарах. – Убили в кухне. Я сама проткнула ей живот вертелом.

– Славная девочка! – с жаром произнес Исса.

– Вот и береги ее, – сказал я. Предыдущая подруга ушла от Иссы к бродячим христианским миссионерам. Впрочем, отважная Скарах такой глупости не совершит.

Ближе к вечеру, воспользовавшись известью из Кунегласовых запасов, мои люди нарисовали на щитах новую эмблему. Право это Артур даровал мне накануне битвы при Лугг-Вейле, однако мы не успели перекрасить щиты, и на них по-прежнему красовался Артуров медведь. Мои люди ждали, что нашим символом станет волчья морда – память о волчьих хвостах, которые мы нацепили на шлемы в Беноике, но я велел каждому нарисовать пятиконечную звезду. «Звезду», – недовольно ворчал Каван. Он предпочел бы что-нибудь грозное, клыкастого и когтистого зверя, но я твердо стоял на своем.

– Серена, – сказал я, – ибо мы – звезды в строю воинов.

Объяснение всем понравилось, и никто не заподозрил меня в безнадежном романтизме. Сначала мы покрасили круглые, обтянутые кожей щиты дегтем, потом нарисовали звезды, прикладывая ножны, чтобы провести прямые линии, а когда известь высохла, наложили глянec из сосновой смолы и яичного белка, чтобы эмблемы не смывало дождем.

– Оригинально, – нехотя признал Каван, когда мы любовались раскрашенными щитами.

– Великолепно, – сказал я.

Вечером, когда я обедал в кругу воинов, евших на полу в зале, Исса стоял у меня за спиной в качестве щитоносца. Лак еще не застыл, но от этого звезда только ярче блестела. Прислуживала мне Скарах. Нас кормили жидкой ячменной кашей. Ничего лучше повара Кар-Своса приготовить не могли – там шла подготовка к завтрашнему грандиозному пиру. Повсюду царил суеда. Зал украсили ветками бука, пол вымели и посыпали свежим камышом, из женских покоев доходили слухи о необычайных вышитых нарядах. По меньшей мере четыреста воинов собрались сейчас в Кар-Свосе. Жили они в шалашах за крепостным валом. Внутри укрепления не было прохода от их собак, женщин и детей. Половина воинов принадлежали Кунегласу, половина пришли из Думнонии. Ссор и стычек не было, даже когда стало известно, что саксонские орды Эллы захватили Ратэ не без помощи Артура. Кунеглас, видимо, подозревал, что союз с Эллой куплен каким-то подобным способом, и принял клятву Артура отомстить за повисцев, погибших в захваченной крепости.

Я не видел ни Мерлина, ни Нимуэ с ночи на Долфорвине. Мерлин покинул Кар-Свос, а про Нимуэ говорили, будто она живет здесь в женских покоях и проводит время с принцессой Кайнвин. Мне в это не верилось, уж больно они разные. Черноволосая Нимуэ, на несколько лет старше Кайнвин, постоянно балансировала между яростью и безумием; белокурая Кайнвин отличалась мягким нравом и тем, что Мерлин назвал «правильностью». Я не мог вообразить, чтобы у них нашлись общие темы для разговора, и потому рассудил, что молва лжет, а на самом деле Нимуэ отправилась вместе с Мерлином, который, по моим предположениям, искал сейчас воинов для похода за Котлом через проклятые земли Диурнаха.

Идти ли мне с ним? Утром перед помолвкой Кайнвин я отправился на север, в дубовый лес, обрамляющий широкую долину Кар-Своса. Кунеглас объяснил, где найти то, что я ищу. Исса, верный Исса, отправился со мной, хоть и не знал, что нужно мне в вековой дубраве.

Эти края, сердце Повиса, оказались почти не затронуты римским влиянием. Римляне построили здесь крепости, такие, как Кар-Свос, проложили несколько дорог вдоль речных долин, но не оставили городов или вилл вроде тех, что придавали Думнонии лоск утраченной цивилизации. Не много здесь было и христиан; старая вера существовала без той озлобленности, что в землях Мордреда, где христиане и язычники соперничали за королевские милости и право воздвигать свои храмы в святых местах. Римляне разрушили некоторые капища, но многие сохранились; в одно из таких древних святых мест под зеленым лиственным пологом и вошли мы сейчас с Иссой.

То было капище друидов, дубрава в глубине дремучей лесной чащи. Листья еще не тронула желтизна, но вскоре им предстояло облететь на землю внутри полукруглой каменной

стены. В стене были устроены две ниши, и в каждой лежало по человеческому черепу. Некогда в Думнонии было немало таких мест, и многие восстановили после ухода римлян, однако часто христиане приходили, разбивали черепа, ломали стены и рубили дубы, а вот это капище простояло в лесной глуши, быть может, тысячу лет. Меж камнями торчали клочки шерсти, оставленные в качестве приношений теми, кто молился в роще.

Под дубами стояла тишина. Исса из-за деревьев смотрел, как я вошел в центр полукруга и снял с пояса Хьюэлбейн.

Я положил меч на плоский камень посередине капища и достал из сумки обглоданную белую кость, дававшую мне власть над браком Ланселота. Ее я положил рядом с мечом; ее и золотую брошь, подаренную Кайнвин. Потом лег на прошлогоднюю листву.

Я заснул в надежде, что сон подскажет мне, как быть. Увы, я ничего не увидел. Может, следовало принести в жертву птицу или животное, чтобы боги дали мне желанный ответ. Во всяком случае, сновидений не было, одна тишина. Я вручил меч и кость богам, Белу и Манавидану, Таранису и Ллеу Ллау, но они презрели мои дары. Слышались лишь завывания ветра в дубовых кронах, цокот беличьих коготков по ветвям да редкая дробь дятла.

Пробудившись, я остался лежать, не шевелясь. Боги не послали мне сновидения, но я знал, чего хочу: взять кость и переломить ее пополам. Если за это мне придется отправиться по Темной дороге в земли Диурнаха, значит так тому и быть. Еще я хотел, чтобы в Британии царили мир, добро и справедливость, а у моих людей было вдоволь золота, земли и невольников. Хотел очистить Ллогр от саксов, слышать звуки боевых рогов и крики бегущего неприятеля. Хотел дойти во главе звездных щитов до восточных низин, куда уже много десятилетий не ступала нога свободного бритта.

Я сел. Подошел Исса. Наверное, он гадал, чего я так уставился на кость, однако ничего не спросил.

Я вспомнил Мерлинову башню из костей, символизирующую мечту Артура, и задумался: правда ли эта мечта рухнет, если Кайнвин не выйдет за Ланселота? Ясно, что их брак – не главное связующее звено в планах Артура, а лишь средство посадить Ланселота на трон и связать узами родства с повисским правящим домом. Если свадьба расстроится, войска Думнонии, Гвента, Повиса и Элмета все равно выступят против саксов. И тем не менее я чувствовал, что кость способна как-то нарушить планы Артура. Сломав ее пополам, я должен буду отправиться с Мерлином на поиски Котла, что неизбежно приведет к раздору между язычниками и христианами в Думнонии.

– Гвиневера, – внезапно проговорил я вслух.

– Господин? – озадаченно переспросил Исса.

Я мотнул головой. Сейчас я внезапно понял, что сломать кость – значит не только поддержать борьбу Мерлина против христиан, но и нажать себе врага в лице Гвиневеры. Я закрыл глаза. Возненавидит ли она меня? А если возненавидит, то что с того? Артур по-прежнему будет меня любить, а мои копья и звездные щиты ему дороже всей славы Ланселота.

Я встал и поднял брошь, меч и кость. Исса наблюдал, как я выдергиваю из плаща зеленую шерстяную нить и засовываю ее между камней.

– Тебя не было в Кар-Свосе, когда Артур разорвал помолвку с Кайнвин? – спросил я.

– Не было, господин, я знаю об этом только понаслышке.

– Все случилось на пиру, вроде того, что предстоит сегодня. Артур сидел рядом с Кайнвин, когда увидел Гвиневеру в дальнем конце зала. Она стояла, одетая в ветхий плащ, вместе со своими собаками, и как только взгляд Артура остановился на ней, все переменялось. Одни боги ведают, сколько людей погибло из-за того, что он заметил ее рыжеволосую голову. – Я повернулся к низкой каменной стене и увидел в одном из замшелых черепов брошенное птичье гнездо. – Мерлин говорит, что боги любят хаос.

– Мерлин любит хаос, – беспечно произнес Исса, не сознавая, что изрек истину.

– Да, – согласился я, – а мы, в большинстве своем, хаоса боимся и потому стараемся навести порядок. – Мне вспомнилась аккуратная пирамидка из костей. – Если у тебя есть порядок, ты не нуждаешься в богах. Когда все упорядоченно и послушно правилам, можно не бояться неожиданностей. Если ты понимаешь все, – осторожно продолжал я, – магия ни к чему. Только когда ты растерян и напуган, ты взываешь к богам, а они любят, чтобы к ним взывали. Тогда они чувствуют свою силу и потому-то хотят, чтобы мы жили в хаосе. – Я повторял урок, слышанный в детстве. – Теперь у нас есть выбор: жить в упорядоченной Британии Артура или пойти за Мерлином в хаос.

– Я отправлюсь с тобой, господин, куда бы ты ни пошел, – объявил Исса. Вряд ли он понял мои слова; он готов был следовать за мной слепо.

– Если б я знал, что делать! – вырвалось у меня. Как было бы хорошо, если бы боги, как встарь, жили в Британии. Мы бы их видели, слышали, могли бы к ним обращаться, а не тыкаться вслепую подобно человеку, что с завязанными глазами ищет булавку в колючих зарослях.

Я прицепил меч на место и сунул кость в сумку.

– Передай нашим мои слова, – сказал я Иссе. – Не Кавану – с ним я поговорю сам. Скажи им: если в эту ночь случится что-нибудь странное, я освобождаю их от клятвы.

Исса нахмурился.

– От клятвы? – переспросил он и замотал головой. – Освобождайте кого хотите, только не меня.

Я поднял руку.

– И скажи им: если произойдет что-нибудь странное, то оставшиеся со мной должны будут выступить против Диурнаха.

– Против Диурнаха! – Исса сплюнул и правой рукой сделал знак от дурных сил.

– Передай им это, Исса.

– Что случится ночью? – встревоженно спросил он.

– Может быть, ничего, – отвечал я. – Может быть, равным счетом ничего.

Боги не дали мне знака в священной роще, и я по-прежнему не знал, что выберу. Порядок или хаос. А может быть, ни то ни другое. Что, если кость – обычный кухонный мусор и, сломав ее, я лишь символически изображу крушение своей любви к Кайнвин? Был один способ проверить – сломать кость. Если посмею.

На пиру в честь помолвки Кайнвин.

* * *

Из всех пиршеств в конце того лета торжество в честь помолвки Кайнвин и Ланселота получилось самым пышным. Казалось, сами боги ему благоволили, ибо полная луна сияла на ясном небе, что всегда считалось добрым знаком для обручения. Она встала вскоре после захода солнца – огромный серебряный диск над пиками за Долфорвином. Я думал, что пир будет на священном холме, но Кунеглас, видя, сколько народа придется кормить, решил устроить праздник в Кар-Свосе.

Гостей собралось столько, что в дом пустили лишь избранных, остальные пировали снаружи, благодаря богов за погожую ночь. Земля еще не просохла после недавних дождей, однако соломы, чтобы сидеть, хватило на всех. Пропитанные смолой факелы привязали к кольям и, едва вошла луна, зажгли, так что весь королевский двор озарился пляшущим пламенем. Свадьбы справляли днем, чтобы Гвидион, бог света, и Беленос, бог солнца, благословили новобрачных, помолвки же происходили при луне. То и дело искры от факелов воспламеняли солому; огонь тут же гасили под дружный хохот воинов, визг детей и истошный собачий лай.

Более ста человек собрались в зале. Горели свечи и тростниковые светильники, тени плясали на высоком потолке, где к охапкам букowych листьев добавили ягоды падуба. Единственный стол стоял на помосте под рядом щитов; перед каждым щитом горела свеча, озаряя нарисованную на коже эмблему. Посередине располагался королевский щит Кунегласа с распростершим крылья орлом, по одну сторону от него – черный медведь Артура, по другую – красный дракон Думнонии. Рядом с медведем поместили эмблему Гвиневеры – оленя, увенчанного луной; рядом с драконом летел Ланселотов орлан, зажав в клюве рыбу. Из Гвента никого не было, но Артур распорядился повесить черного быка – эмблему Тевдрика, а также элметского рыжего быка и силурийскую лисью морду. Королевские знаки символизировали великий союз: стену щитов, что оттеснит саксов к морю.

Иорвет, верховный друид Повиса, объявил, что последние лучи заходящего солнца скрылись в Ирландском море, и почетные гости заняли места на возвышении. Остальные уже сидели на полу и требовали крепкого повисского меда, сваренного специально к празднику. Почетных гостей приветствовали криками и рукоплесканиями.

Первой вышла королева Элейна. Мать Ланселота была в синем платье с золотой гривной на шее и золотой цепью на седых волосах. Дружным ревом встретили Кунегласа и королеву Хеллед – они появились следующими. Круглое лицо короля светилось предвкушением праздника, в честь которого он перевязал свисающие усы белыми ленточками. Артур выступил скромно, во всем черном, Гвиневера – в бледно-золотистом платье, скроенном так, чтобы драгоценная ткань плотно облегла высокую стройную фигуру. Живот был еле заметен, а благодаря нашитым на платье золотым чешуйкам все тело переливалось, покуда она медленно шла вслед за Артуром. Мужчины загудели, восхищенные ее красотой. Гвиневера улыбнулась, понимая, что зажгла похоть в сердце каждого из присутствующих; в ту ночь она намеревалась затмить Кайнвин в любом из ее нарядов. Пышные рыжие волосы удерживал золотой обруч, на поясе блестела золотая цепь, на шее – золотая брошь в форме орлана, которую Гвиневера надела в честь Ланселота. Она поцеловала королеву Элейну в обе щеки, Кунегласа – в одну, кивнула его супруге и села по правую руку от Кунегласа, в то время как Артур опустился рядом с королевой Хеллед.

Оставались два места, но, прежде чем вошли те, кому предстояло их занять, Кунеглас встал и стукнул кулаком по столу. Наступила тишина. Кунеглас молча указал на дары, разложенные на помосте перед свисающей со стола скатертью.

То были дары, которые Ланселот привез Кайнвин. Их богатство вызвало бурю восторженных криков. Мы все должны были оценить дары, и я с горечью слушал, как воины превозносят щедрость беноикского короля. Здесь лежали гривны – золотые, серебряные и из сплава золота с серебром; столько гривн, что они служили лишь основанием для еще более дорогих даров: римских металлических зеркал и стеклянных сосудов, драгоценных брошей, ожерелий, булавок и пряжек. И все эти несметные сокровища – золото, серебро, эмаль, кораллы и самоцветы – Ланселот вывез из горящего Инис-Требса, когда, испугавшись обратить меч против франков, бежал от них на первом же корабле.

Воины еще рукоплескали дарам, когда вошел Ланселот во всем своем великолепии. Как и Артур, он облачился в черное, однако его наряд окаймляла драгоценная золотая тесьма. Черные волосы, намащенные и зачесанные назад, прилегали к узкой голове и ниспадали на спину. На пальцах правой руки сверкали золотые кольца, на левой тускло поблескивали воинские, ни одно из которых, полагаю, не было добыто в бою. Тяжелую золотую гривну украшали дорогие камни, а на грудь, в честь Кайнвин, он надел ее фамильный символ – распростершего крылья орла. В королевские палаты запрещалось входить с оружием, но на Ланселоте была роскошная перевязь – подарок Артура. Он поднял руку, приветствуя ликующих воинов, поцеловал мать в щеку, приложился в Гвиневериной руке, поклонился Хеллед и сел.

Единственное место оставалось пустым. Арфистка начала играть, заунывную мелодию перекрывал гул голосов. В зал вплыл аромат жареного мяса, девушки-рабыни разносили мед. Иорвет бегал туда-сюда, расчищая проход меж сидящих на полу воинов. Когда ему удалось их растолкать, он поклонился королю и воздел посох, призывая к молчанию.

Снаружи донеслись восхищенные крики.

Почетные гости входили через заднюю дверь и попадали на помост сразу из ночной тьмы, но Кайнвин предстояло вступить через парадный вход и на пути из женских покоев миновать освещенный факелами двор. Толпа на улице приветствовала ее криками, мы же ожидали в молчании. Даже арфистка сняла пальцы со струн и повернулась к двери.

Первой показалась девочка в белом платье. Она пятилась по расчищенному Иорветом проходу и бросала на камыш сухие цветочные лепестки. Все, затаив дыхание, глядели на дверь; все, кроме меня. Я смотрел на помост. Взгляд Ланселота был устремлен на вход, губы кривила едва заметная улыбка. Кунеглас утирал слезы радости. Миротворец Артур лучился от счастья. Одна Гвиневера не улыбалась. Она торжествовала: в этом самом зале, где ею когда-то помыкали, она распоряжается судьбой королевской дочери.

Не спуская глаз с Гвиневеры, я вытащил из сумки кость. Исса, стоя у меня за спиной со щитом, наверное, гадал, зачем мне этот кухонный отброс на празднестве золота и огня.

Я взглянул на дверь в тот самый миг, когда вошла Кайнвин и все ахнули. Грянули восхищенные возгласы. Все золото Британии, все королевы древности не затмили бы Кайнвин в ту ночь. Можно было не смотреть на Гвиневеру, чтобы понять: она разбита наголову.

Я знал, что это четвертая помолвка Кайнвин. Первый раз она входила сюда ради Артура, который предпочел Гвиневеру. Затем она обручилась с принцем из далекого Регеда, но тот умер от лихорадки. Не так давно праздновали ее помолвку с Гундлеусом Силурийским, но и тот испустил дух под ножом Нимуэ, и теперь она в четвертый раз несла брачный недоуздок нареченному. Ланселот привез груды сокровищ, однако обычай требовал, чтобы невеста вручила жениху воловий недоуздок в знак того, что отныне покоряется его власти.

Когда Кайнвин вошла, Ланселот встал. Легкая полуулыбка сменилась выражением радости, и немудрено, ибо красота ее ослепляла. На прежних помолвках она выступала в серебре, золоте и драгоценных камнях, как пристало принцессе, а сегодня надела простое белое платье, подпоясанное голубым шнуром с длинными кисточками на концах. На голове ее не было серебра, на шее – золота, на груди – самоцветных камней, лишь белое платье и, на белокурых волосах, – веночек из лесных фиалок. Обуви Кайнвин не надела и босиком ступала по лепесткам. Она пренебрегла всеми знаками богатства и знатности, пришла одетая как простая крестьянская девушка и тем покорила всех. Неудивительно, что воины ахнули, что громко кричали от восторга, пока она медленно и робко шла между гостями. Кунеглас плакал от радости, Артур хлопал в ладоши, Ланселот пригладил намащенные волосы, его мать расплылась в улыбке. Какой-то миг выражение Гвиневерино лица было не прочесть, потом она улыбнулась с нескрываемым торжеством. Пусть Кайнвин затмила ее красотой, все равно то была победа: бывшая соперница обручалась с человеком, которого Гвиневера для нее выбрала.

Я увидел торжествующую ухмылку Гвиневеры, и, возможно, именно ее самодовольство и толкнуло меня к решению. А может, ненависть к Ланселоту или любовь к Кайнвин, или просто Мерлин был прав и боги любят хаос. Так или иначе, я двумя руками крепко сжал кость. Я не думал о том, куда заведет магия Мерлина, о его ненависти к христианам, о верной гибели в землях Диурнаха, не думал о порядке, который мечтает установить Артур. Я признавал лишь, что Кайнвин отдадут ненавистному Ланселоту. Как и прочие гости, я стоял, глядя на нее меж головами воинов. Она дошла до центрального столба. Зал неистовствовал. Молчал я один. Не спуская глаз с Кайнвин, я уперся большими пальцами в кость и надавил. Ну, Мерлин, ну, старый негодяй, посмотрим, на что годится твоя магия.

Я переломил кость. Треск утонул в реве голосов.

Я сунул сломанную кость в сумку и, не дыша, смотрел на принцессу Повиса, которая вошла из ночной тьмы с цветами на волосах.

Внезапно она остановилась. У самой колонны, украшенной ягодами и листьями.

С появления в зале Кайнвин не отрываясь смотрела на Ланселота. Все так же улыбаясь и глядя ему в лицо, она застыла, и зал умолк, не зная, как это понимать. Девочка, рассыпавшая лепестки, вопросительно смотрела на Кайнвин. Та не двигалась.

Артур, решив, что она остановилась от волнения, ласково поманил ее рукой. Недоуздок в руках Кайнвин дрожал. Арфистка неуверенно тронула струну и тут же отдернула пальцы. Из толпы за колонной выступила фигура в черном плаще.

То была Нимуэ. Ее золотой глаз сверкал посреди ошеломленного зала.

Кайнвин перевела взгляд с Ланселота на Нимуэ и медленно протянула руку. Та, взяв предложенную ладонь, испытующе посмотрела в глаза принцессы. Кайнвин на мгновение замерла, потом еле заметно кивнула. И тут весь зал загудел: Кайнвин отвернулась от помоста и вслед за Нимуэ шагнула в толпу.

Голоса умолкли; никто не мог объяснить странное поведение невесты. Ланселоту на помосте оставалось лишь наблюдать за происходящим. У Артура отвисла челюсть. Кунеглас, полупривстав, изумленно смотрел, как его сестра идет через толпу, расступающуюся перед яростным оскалом Нимуэ. У Гвиневеры был такой вид, словно она готова убить Кайнвин на месте.

Нимуэ поймала мой взгляд и улыбнулась. Сердце у меня затрепетало, словно пойманный зверь. Больше я на Нимуэ не смотрел, потому что Кайнвин, милая Кайнвин, приближалась ко мне с недоуздкой в руках. Воины расступались, а я словно окаменел и не мог ни двинуться, ни заговорить. Слезы бежали по ее щекам. Она подошла и молча протянула мне недоуздок. Вокруг нарастал обескураженный гул, но я, не видя и не слыша ничего вокруг, упал на колени, взял недоуздок и, поймав руки Кайнвин, прижал их к своему лицу, тоже мокрому от слез.

Зал взорвался негодующими криками, но Исса встал надо мною со щитом. Все в королевских палатах были безоружны, однако Исса держал щит с пятиконечной звездой, словно готовясь отбить любое нападение. Нимуэ, по другую сторону от меня, шипела проклятия. Казалось, она выцарапает глаза всякому, кто посмеет оспорить выбор принцессы.

Кайнвин тоже опустилась на колени, так что ее лицо оказалось рядом с моим.

– Ты поклялся защищать меня, господин, – прошептала она.

– Да, госпожа.

– Коли хочешь, я освобождаю тебя от клятвы.

– Нет, никогда, – проговорил я.

Кайнвин слегка отстранилась.

– Я не выйду замуж ни за кого, Дерфель, – промолвила она, глядя мне в глаза. – Обещаю тебе все, кроме брака.

– О большем я не смею и мечтать, госпожа. – В горле у меня стоял комок, взор застилали слезы счастья. Я протянул ей недоуздок. – Он твой.

Она с улыбкой бросила недоуздок на солому и поцеловала меня в щеку.

– Думаю, на этом пиру сумеют обойтись и без нас.

Мы встали и, рука в руке, не обращая внимания на вопросы, протесты и даже редкие ободряющие возгласы, вышли в лунную ночь. Позади были смятение и ярость, впереди – растерянная толпа, через которую мы шли.

– Домик под Долфорвином ждет нас, – сказала Кайнвин.

– Тот, что с яблонями? – спросил я, вспомнив ее рассказ о детской мечте.

– Тот самый, – отвечала Кайнвин.

Мы миновали толпу и приближались к освещенным факелами воротам Кар-Своса. Исса догнал меня (он прихватил наши мечи и копья), Нимуэ шла рядом с Кайнвин. Вскоре к нам присоединились три принцессиних служанки и десятка два моих воинов.

– Ты уверена, что поступаешь правильно? – спросил я Кайнвин, как будто она может повернуть время вспять и вручить недоуздок Ланселоту.

– Как никогда в жизни, – отвечала она спокойно и даже весело. – Ты когда-нибудь сомневался во мне, Дерфель?

– Я сомневался в себе.

Она сжала мою руку.

– Я не принадлежу никому, кроме самой себя, – сказала она, потом со смехом выпустила мою руку и припустила бегом. Фиалки сыпались с ее волос. Я побежал следом. Из дверей королевского дома Артур звал нас возвратиться.

Однако мы бежали прочь. Навстречу хаосу.

Глава 3

На следующий день я острым ножом загладил концы двух половинок сломанной кости и вырезал две ложбинки на деревянной рукояти Хьюэлбейна. Исса сходил в Кар-Свос за клеем, который мы разогрели на костре и вклеили косточки в рукоять. Потом стерли остатки клея и перевязали рукоять бараными жилами.

– Прямо как слоновая кость, – восхитился Исса.

– Свиное ребро, – отмахнулся я, хотя вставки и впрямь походили на слоновую кость; рукоять Хьюэлбейна выглядела теперь гораздо богаче. Меч получил имя по первому владельцу, Мерлинову слуге Хьюэлу, учившему меня владеть оружием.

– Оно заколдовано? – озабоченно спросил Исса.

– Заколдовано Мерлином, – отвечал я, но в подробности пускаться не стал.

В полдень пришел Каван. Он встал на колени и опустил голову, но ничего не сказал. В этом не было надобности – я без того знал, зачем он здесь.

– Ты волен идти, – объявил я. – Освобождаю тебя от клятвы.

Он поднял глаза, по-прежнему не в силах говорить. Я улыбнулся.

– Ты немолод, Каван. Тебе нужен господин, который обеспечит тебе золото и покой на старости лет, а не Темную дорогу и неопределенность.

Он наконец обрел голос.

– Я решил умереть в Ирландии.

– Среди близких?

– Да, господин. Но я не могу вернуться с пустыми руками. Мне нужно золото.

– Тогда сожги игральную доску, – пошутил я.

Он хохотнул, потом поцеловал рукоять Хьюэлбейна.

– Не держите на меня обиды, господин?

– Ничуть, – отвечал я. – И если тебе понадобится моя помощь, только дай знать.

Мы обнялись. Он уходил к Артуру и уводил половину моих воинов; со мной оставались только двадцать. Те, что ушли с Каваном, боялись Диурнаха или мечтали о богатстве, и я их не виню. На службе у меня они стяжали славу, воинские кольца и волчьи хвосты на шлемах, но очень мало золота. Я позволил им сохранить волчьи хвосты, заслуженные в кровавых боях на землях Беноика, а вот звезды велел закрасить.

Звезды на щитах были теперь лишь у двадцати, оставшихся со мной – самых молодых, сильных и отважных из моих копьеносцев. Их молодости, силе и отваге предстояло трудное испытание, ибо, видят боги, переломив кость, я обрек соратников на путешествие по Темной дороге.

Я не знал, когда Мерлин нас призовет, поэтому ждал в домике, куда Кайнвин привела меня ночью. Он стоял на северо-востоке от Долфорвина в узкой лощине с такими крутыми склонами, что солнце заглядывало в нее, лишь проделав половину утреннего пути. Склоны эти заросли дубами, и только возле самого дома прилепился клочок возделанной земли, на которой росли десятка два яблонь. У дома не было имени, как не было его у лощины, которая звалась просто Кум-Исаф – нижний лог. И здесь мы обрели пристанище.

Мои люди построили хибарки между деревьями на южном склоне. Я не знал, как обеспечить пропитанием двадцать человек с семьями. Маленькое хозяйство Кум-Исафа не прокормило бы полевую мышь, куда уж там воинский отряд. Однако у Кайнвин было золото, к тому же она заверила меня, что ее брат не даст нам умереть с голоду. Дом, сказала она, принадлежал ее отцу – один из многих земельных наделов, поддерживающих богатство Горфиддида. Двоюродный брат городского свечника, живший здесь прежде, умер до битвы при Лугт-Вейле, и замену ему еще не нашли. Сам домик представлял собой жалкую каменную лачугу под худой

соломенной крышей. В главной комнате прежде размещался скот – ее мы вывели и прибрали. Остались две спальни – для меня и для Кайнвин.

– Я обещала Мерлину, – сказала она в первую же ночь, объясняя, почему мы должны спать порознь.

У меня по коже пробежал холодок.

– Что обещала?

Наверное, она покраснела, но луна не заглядывала в узкую лощину, и я не видел лица любимой, только ощутил ее рукопожатие.

– Обещала ему, – медленно проговорила она, – хранить девственность, пока не найдется Котел.

До меня начало доходить все коварство Мерлина. Он нуждался в воине, чтобы охранять его по пути через Ллейн, и в девственнице, чтобы найти Котел, и вертел нами обоими.

– Нет! – вырвалось у меня. – Ты не пойдешь в Ллейн!

– Только целомудренное существо отыщет Котел, – прошипела из темноты Нимуэ. – Нам что, ребенка с собой брать, а, Дерфель?

– Кайнвин не может идти в Ллейн, – упорствовал я.

– Я дала обещание. Клятву.

– Ты знаешь, что такое Ллейн? Что творит Диурнах?

– Я знаю, что этот путь – плата за то, чтобы быть с тобой. Я обещала Мерлину, – повторила она. – Дала клятву.

Итак, в ту ночь я спал один. Утром, после того, как мы разделили скудный завтрак с воинами и служанками, но до того, как я вставил косточки в рукоять Хьюэлбейна, Кайнвин вышла прогуляться со мной вдоль ручья. Она выслушала мои страстные доводы, почему ей нельзя вступать на Темную дорогу, и беспечно возразила:

– Если с нами Мерлин, кто в силах нам помешать?

– Диурнах, – мрачно отвечал я.

– Ты ведь идешь с Мерлином?

– Да.

– Тогда не отговаривай меня. Мы будем вместе. – Кайнвин не желала ничего слушать. Она сама себе хозяйка и уже приняла решение.

Тут, разумеется, мы заговорили о событиях последних нескольких дней, и слова хлынули потоком. Мы ошалели от любви, как когда-то Артур ошалел от любви к Гвиневере, и каждый готов был без устали слушать, что другой передумал и перечувствовал. Я показал Кайнвин сло-манное свиное ребрышко, и она рассмеялась, узнав, что я до последнего мгновения не решался его переломить.

– Я правда не знала, сумею ли отвернуться от Ланселота, – призналась Кайнвин. – Прокость я, разумеется, не ведала. Мне казалось, что мой выбор определила Гвиневера.

– Гвиневера? – изумленно переспросил я.

– Я не могла снести ее самодовольства. Ужасно, да? Я почувствовала себя ее котенком и не стерпела.

Некоторое время мы шли в молчании. Листья, облетающие с деревьев, по большей части еще не начали желтеть. Утром своего первого дня в Кум-Исафе я видел, как с крыши слетела ласточка. Она не вернулась, и я понял, что больше мы ласточек до весны не увидим. Мы брели, держась за руки, Кайнвин босиком ступала по берегу ручья.

– Я все думала о пророчестве на ложе из черепов, – призналась она, – и решила, что мне не судьба выйти замуж. Я трижды обручалась, Дерфель, трижды! И трижды теряла жениха. Если это не знак богов, то что?

– Твоими устами говорит Нимуэ, – заметил я.

Кайнвин рассмеялась.

– Она мне нравится.

– Я и вообразить не мог, что вы сойдетесь, – признал я.

– А что? Мне нравится ее злость. В жизни надо идти напролом, а не покоряться. Я всю жизнь делала, что говорят. Я всегда была хорошей, – последнее слово она произнесла с ироничным нажимом. – Всегда была покладистой девочкой, почтительной дочерью. Мне это, разумеется, не составляло труда. Отец во мне души не чаял. Вообще-то он мало кого любил, но я получала все, что желала. Взамен от меня требовалось одно: быть милой и послушной. И я была очень послушной.

– И милой.

Она укоризненно ткнула меня в бок. Из тумана над ручьем вылетела стайка трясогузок.

– Я была очень послушной, – горько повторила Кайнвин. – Я знала, что должна буду выйти за того, кого мне выберут, и не огорчалась, потому что таков удел всех королевских дочерей. Помню, как я была счастлива, когда познакомилась с Артуром. Думала, моя жизнь так и будет безоблачной. Мне пообещали в мужья хорошего человека, а он исчез.

– Меня ты тогда даже не заметила.

Когда Артур приехал в Кар-Свос, чтобы обручиться с Кайнвин, я был младшим копье-носцем в его отряде. Тогда-то она и подарила мне брошь, которую я с тех пор носил не снимая. Принцесса оделила подарками всех спутников Артура, но не знала, какой огонь зажгла в моей душе.

– Разве можно было не заметить такого нескладного белобрысого верзилу? – Кайнвин рассмеялась и протянула руку, чтобы я помог ей перебраться через поваленный дуб. Она была в том же льняном платье, что и вчера вечером, хотя подол уже успел испачкаться о землю и мох. – Потом я обручилась с Каэлвином и уже не считала себя такой счастливницей. Он был грубый скот, зато пообещал отцу сто копеечников и золото в качестве выкупа за невесту. Я убеждала себя, что мне будет хорошо и в Регеде, но Каэлвин умер от лихорадки. Потом был Гундлеус. – Она нахмурилась при воспоминании. – Я поняла, что становлюсь пешкой в военной игре. Отец любил меня – и все равно был готов отдать Гундлеусу за лишние копья в войне против Артура. Тогда я впервые осознала, что не буду счастливой, если сама не построю свое счастье. Затем приехали вы с Галахадом. Помнишь?

– Помню. – Я сопровождал Галахада в его неудачной попытке заключить мир, и Гордфиддид в качестве оскорбления отправил нас обедать в женские покои. Горели свечи, играла арфистка. Я поговорил с Кайнвин и дал клятву ее защищать.

– Тебе было не безразлично мое счастье.

– Я влюбился в тебя. Я был как пес, воющий на звезду.

Она улыбнулась.

– И тут приехал Ланселот. Обворожительный Ланселот. Красавчик Ланселот. Все твердили, что я – счастливейшая девушка в Британии... А знаешь, что я почувствовала? Что стану для Ланселота еще одной вещью, а у него их и без того много. Однако я по-прежнему не знала, как поступить, и тут появился Мерлин. Он поговорил со мной и уехал, оставив Нимуэ. Она убеждала меня и убеждала, а я уже и без того поняла, что не хочу никому принадлежать. Всю жизнь мною распоряжались. Поэтому мы с Нимуэ принесли клятву Дон. Я пообещала, что если богиня даст мне силы отвоевать свободу, то я никогда не выйду замуж. Я буду любить тебя, – пообещала она, глядя мне в лицо, – но не буду ничьей собственностью.

И все же и она, и я были пешками Мерлина. Он изрядно потрудился, он и Нимуэ, но я не стал говорить ни об этом, ни о Темной дороге, только предупредил:

– Отныне вы с Гвиневрой – враги.

– Да, но так было всегда, с той минуты, как она решила увести Артура. Тогда я по молодости не знала, как с ней бороться. Прошлой ночью я нанесла ответный удар, а впредь предпочту держаться от нее подальше. – Кайнвин улыбнулась. – А ты должен был жениться на Гвенвивах?

– Да.

– Бедняжка Гвенвивах. Когда они здесь жили, она всегда была очень ласкова со мной, но выбегала из комнаты при виде сестры. Казалось, она – толстая, неуклюжая мышь, а Гвиневера – кошка.

Днем пришел Артур. Клей на рукояти Хьюэлбейна еще не высох, когда между деревьями на склоне появились его воины. Они не собирались нам угрожать, просто заглянули перед долгим переходом в родную Думнонию. Ланселота и Гвиневеры с ними не было. Артур перешел через ручей, не захватив с собой ни меча, ни щита.

Мы встретили его на пороге. Артур поклонился Кайнвин.

– Любезная госпожа, – с улыбкой проговорил он.

– Ты на меня сердишься, господин? – встревоженно спросила она.

Артур скорчил гримасу.

– Жена моя думает, что сержусь, но это не так. На что мне сердиться? Ты поступила так же, как в свое время я, и тебе хватило благородства сделать это до обручения. – Он снова улыбнулся. – Ты причинила мне неудобство, так и поделом. Можно мне поговорить с Дерфелем?

Мы пошли по той же тропке, где я утром гулял с Кайнвин. Как только нас стало не видно, Артур положил мне руку на плечо.

– Молодец, Дерфель, – тихо сказал он.

– Прости, если обидел тебя, господин.

– Брось! Ты поступил в точности как я в свое время. Даже завидую: для тебя еще все так свежо. Это кое-что изменило, не более того. Неудобство, как я уже сказал.

– Я не стану защитником Мордред.

– Станет кто-нибудь другой. Будь моя воля, я бы взял вас обоих с собой, назначил тебя защитником и наградил, как обещал...

– Ты хочешь сказать, – без обиняков спросил я, – что принцесса Гвиневера меня не простит?

– Да, – мрачно отвечал Артур. – И Ланселот тоже. – Он вздохнул. – Что мне делать с Ланселотом?

– Жени его на Гвенвивах и отправь обоих в Силурию.

Он рассмеялся.

– Если б я мог!.. Само собой, я отправлю его в Силурию, но сомневаюсь, что он долго там просидит. Его честолюбие не удовлетворится маленьким королевством. Я надеялся, что Кайнвин удержит его здесь, а теперь? – Артур пожал плечами. – Лучше бы я отдал Силурию тебе. – Он обнял меня за плечи и развернул к себе. – Я не освобождаю тебя от клятвы, лорд Дерфель Кадарн. Ты по-прежнему мой воин, и, когда я призову, ты явишься.

– Да, господин.

– Это будет весной. Я заключил с саксами перемирие на три месяца и не нарушу клятвы, а когда три месяца пройдут, наступит зима. А вот с весной мы выступим, и мне нужны будут твои люди.

– Они придут, господин, – пообещал я.

Он положил руки мне на плечи и заглянул в глаза.

– Мерлину ты тоже поклялся?

– Да, господин, – признал я.

– Отправишься на поиски несуществующего Котла?

– Я буду искать Котел, да.

Артур закрыл глаза.

– Какая глупость! – Он уронил руки и открыл глаза. – Я верю в богов, но верят ли боги в Британию? Старой Британии нет, – с жаром продолжал он. – Может быть, когда-то мы и были единым племенем, но теперь? Римляне привезли людей со всех концов света! Сарматов,

ливийцев, галлов, нумидийцев, греков! Их кровь смешалась с нашей, как и кровь римлян, даже саксов. Мы те, кто мы есть, Дерфель, а не те, кто были раньше. У нас теперь сотня богов, не только старые. Нельзя обратить время вспять даже при помощи Котла и всех прочих Сокровищ Британии.

– Мерлин думает иначе.

– И Мерлин хочет, чтобы мы истребили христиан ради возвращения старых богов? Нет, я на это не пойду, – гневно проговорил Артур. – Можете искать свой воображаемый Котел, только пусть Мерлин не думает, что я стану в угоду ему преследовать христиан.

– Мерлин, – отвечал я, – предоставит богам решать участь христиан.

– А кто мы, как не орудия богов? – спросил Артур. – И все же я не стану враждовать с другими бриттами из-за того, что они поклоняются другому богу. И ты тоже, Дерфель, покуда связан клятвой верности.

– Да, господин.

Артур вздохнул.

– Ненавижу распри из-за богов!.. Правда, Гвиневера вечно твердит, что я слеп к богам. И это единственный мой недостаток. – Он улыбнулся. – Ты дал клятву Мерлину, следовательно, должен идти с ним. Куда он тебя тащит?

– На Инис-Мон, господин.

Артур несколько мгновений молча смотрел на меня, затем поежился.

– Ты отправляешься в Ллейн? – недоверчиво переспросил он. – Оттуда никто живым не возвращался.

– Я вернусь.

– Уж постарайся, Дерфель, уж постарайся. – Несмотря на мои хвастливые уверения, голос Артура звучал мрачно. – Мне нужна твоя помощь, чтобы разбить саксов. А там, глядишь, тебе удастся вернуться в Думнонию. Гвиневера не из тех, кто долго помнит обиды. – («Как бы не так», – подумал я.) – Значит, посылаю за тобой, как только придет весна, – продолжал Артур, – и молюсь, чтобы ты живым вернулся из Ллейна. – Он взял меня под руку, и мы пошли назад к дому. – А на случай, если кто спросит, я строго тебя отчитал. Осыпал бранью и даже ударил.

Я рассмеялся.

– Прощаю тебе удар, господин.

– Считаю, что получил взбучку, – сказал Артур. – И еще считай, что ты второй счастливейший человек в Британии.

Счастливейший в мире, подумал я. Ибо мое заветное желание исполнилось.

Вернее, исполнится, когда Мерлин осуществит свое. Если боги позволят нам дожить до этого дня.

Я стоял, провожая взглядом отряд. Знамя Артура мелькнуло между деревьями. Он помаhal рукой, вскочил на коня и умчался прочь.

Мы остались одни.

* * *

Вот так получилось, что я не видел, как Артур вернулся в Думнонию. А жаль, на это стоило посмотреть: он с победой возвращался в страну, где его еще недавно считали обреченным и готовились заменить на полное ничтожество.

Еды было мало, ибо война опустошила землю, но голода не случилось, а люди Артура собирали справедливые подати. На первый взгляд, не велика важность – однако резонанс был огромен. Только богачи платили налоги в казну, некоторые – золотом, большая часть – зерном, кожей, холстами, солью, шерстью и вяленой рыбой, которую, в свою очередь, собирали с крестьян. В последние несколько лет богатые мало платили королю, а бедняков обирали нещадно.

Артур отправил копейщиков выяснить у селян, какой податью те обложены. Исходя из ответов, он решал, сколько брать с богатых. Третью собранного он отдал церквям и магистратам, чтобы те зимой кормили нуждающихся. Вся Думнония поняла, что настали новые порядки, и, хотя богачи роптали, никто не посмел восстать на Артура с оружием в руках. Он был первый военачальник королевства, победитель при Лугг-Вейле, гроза королей, и противники его страшились.

Мордред перешел под опеку Артурова двоюродного брата Кулуха, грубого и честного вояки, который не особенно пекся о судьбе увечного ребенка. Ему хватало своих забот: надо было подавить мятеж, который Кадви из Иски поднял на западе страны. Я слышал, что Кулух стремительно продвинулся со своими копейщиками через великие пустоши, затем на юг через дикие земли вдоль побережья. Он разорил родные края мятежника и осадил его самого в старой римской крепости Иски. Стены ее обветшали от времени; закаленные бойцы, прошедшие Лугг-Вейл, взяли крепость штурмом и перебили бунтовщиков на улицах города. Кадви разыскали в римском храме и разрубили на куски. Артур приказал, чтобы его руки и ноги выставили в городах Думнонии, а голову с узнаваемыми синими татуировками на щеках отправил в Кернов королю Марку, подстрекателю мятежа. Марк в ответ прислал оловянные слитки, бочку копченой рыбы, три отполированных черепаших панциря, выброшенных на берег его дикой земли, и заверения, что ни сном ни духом не знал о замыслах Кадви.

В захваченной крепости Кулух нашел несколько писем и тут же переправил Артуру. Письма эти, от христианской партии в Думнонии, были написаны до Лугг-Вейла и полностью изобличали противников Артура. Христиане ненавидели его с тех самых пор, как он отменил указ покойного Утера об освобождении церкви от всех налогов и сборов, и свято верили, что их бог предает его в руки Горфиддида. Письма, написанные ими в ожидании его неминуемой гибели, попали теперь к Артуру.

Из них явствовало, что христиане, желая Артуру смерти, в то же время страшились копейщиков Горфиддида. Ради того чтобы спасти себя и свои богатства, они готовы были пожертвовать Мордредом и призывали Кадви в отсутствие Артура захватить Дурноварию, убить Мордреда и передать верховную власть Горфиддиду. Христиане обещали ему помощь в надежде на защиту от язычников.

Они просчитались. Мелваса, зависимого короля белгов, взявшего сторону христиан против Артура, отправили править землями Кадви. Сомнительная награда – Мелвас оказался вдали от своих людей в краях, где Артур легко мог за ним присматривать. Набура, христианского магистрата, который был опекуном Мордреда и злоупотребил своим положением, чтобы сколотить партию против Артура (это он в письме предлагал убить своего подопечного), прибили к кресту в римском амфитеатре Дурноварии. Теперь, разумеется, его называют святым и мучеником, я же помню Набура лишь как лстивого, корыстного лжеца. Казнили и еще нескольких заговорщиков: двух священников, магистрата и землевладельца. Остался Сэнсам, которому хватило ума не поставить своего имени ни под одним из писем. Это да странная дружба с язычницей Морганой, сестрой Артура, спасло ему жизнь. Он присягнул на верность Артуру, поклялся на распятии, что никогда не злоумышлял против Мордреда, и остался блюстителем храма Священного Терновника в Инис-Видрине. Сэнсама можно было заковать в железо, поднести меч к его горлу, а он бы все равно вывернулся...

Моргана, постоянно скрывавшая изуродованное огнем лицо под золотой маской, а изувеченное тело – под черными одеяниями, была самой доверенной жрицей Мерлина, пока ее не потеснила Нимуэ. В отсутствие Мерлина и Нимуэ ставшая единоличной правительницей Авалона, она завершила восстановление Мерлинова жилища на Торе и организовала сбор податей в северной части страны. Артур всецело ей доверял и, когда той же осенью скончался от лихорадки епископ Бедвин, предложил ввести ее в королевский совет. До сих пор ни одна женщина не удостоивалась такой чести; Моргана могла бы стать первой, если бы не противодействие

Гвиневеры. Та не допускала и мысли, что какая-то женщина – не она сама! – станет вершить дела королевства. Кроме того, Гвиневера ненавидела все уродливое, а, видят боги, даже золотая маска не могла скрыть Морганиного безобразия. Итак, Моргана осталась в Инис-Видрине, а Гвиневера занялась строительством нового дворца в Линдинисе.

Дворец получился невероятно пышным. Старую римскую виллу, сожженную Гундлесом, восстановили и расширили. Теперь ее флигели охватывали огромные дворы, где в мраморных желобах журчала вода. Линдинису, расположенному неподалеку от королевского холма Кар-Кадарна, предстояло стать новой столицей Думнонии, хотя Гвиневера позаботилась, чтобы хромого Мордред и близко к нему не подпускали. Только прекрасному было место в Линдинисе; окруженные аркадами дворы Гвиневера наполнила статуями из вилл и храмов Думнонии. Христианской церкви там не было, но Гвиневера отвела большой темный зал женской богине Изиде. Отдельные покои предназначались Ланселоту, чтобы тому было где остановиться, приезжая из Силурии. В них поселилась Элейна, мать Ланселота, некогда украсившая Инис-Требс; теперь она помогала Гвиневере превратить Линдинис в истинное святилище красоты.

Артур редко бывал в Линдинисе. Он готовился к войне с саксами: восстанавливал крепости в южной Думнонии. Даже Кар-Кадарн, расположенный куда севернее, упрочили и на стенах установили новые деревянные платформы, однако основные усилия Артур направил на Кар-Амбру в полчасе ходьбы от Камней – главный оплот в предстоящей войне. В древности здесь был форт; всю осень и зиму рабы досыпали земляные валы, вбивали новые частоколы, сооружали деревянные платформы. Многие форты к югу от Кар-Амбры укрепили для защиты от Кердика, который неизбежно должен был напасть, как только Артур двинется против Эллы. Полагаю, с римских времен в Британии не выкапывали столько земли и не валили столько леса; справедливых податей, собранных Артуром, не хватило на то, чтобы оплатить и половину работ. Посему он обложил дополнительным налогом богатые христианские церкви Южной Британии – те самые, что поддерживали Набура и Сэнсама в их кознях. Средства пошли на то, чтобы защитить самих же христиан от язычников-саксов, но те не простили Артура, как и не заметили, что ту же подать пришлось заплатить нескольким языческим храмам, еще сохранившим долю былых богатств.

Не все христиане ненавидели Артура. Последователи Христа, составлявшие не менее трети его копеечников, были так же верны своему предводителю, как и язычники. Многие простые христиане одобряли его порядки, а вот церковники, движимые алчностью, ополчились против него как один. Они верили, что их бог однажды вернется на землю и будет ходить среди нас, как простой смертный, но лишь когда все язычники обратятся в его веру. Артур, не обращая внимания на проклятия, без усталости разъезжал по Южной Британии. Сегодня он с Саграмором объезжал границу, за которой стояли войска Эллы, завтра сражался с отрядами Кердика, пробравшимися по речным долинам на юге, а на следующий день скакал через Думнонию и Гвент в Иску – спорить с местными вождями о том, сколько копеечников можно собрать в западном Гвенте или восточной Силурии. После Лугг-Вейла он был уже не просто военачальник и опекун Мордред; все признали в нем безусловного предводителя, и ни один король не смел, да и не хотел ему отказать.

И ничего этого я не видел, потому что был в Кар-Свосе с Кайнвин, которую любил до беспамятства.

И ждал Мерлина.

* * *

Мерлин и Нимуэ приехали в Кум-Исаф перед самым зимним солнцеворотом. Низкие тучи цеплялись за голые ветви дубов на гористых кряжах. Ручей почти заledenел, палая листва

хрустела под ногами, земля стала тверда как камень. Мы жгли огонь в большой комнате, так что в доме было тепло, хотя и трудно дышать: дым клубился под нестрогаными балками, прежде чем выбраться через крошечное отверстие в кровле. Другие дымки поднимались из лачуг, которые мои копыеносцы поставили на склоне долины: стены из камня и земли, крытые бревнами и папоротником. Мы пристроили к дому хлев, в котором теперь жили бык, две коровы, три свиньи, хряк, десяток овец и два десятка кур. Днем их выпускали, а на ночь запирали от волков, чей вой постоянно слышали на закате. Иногда по ночам волки скреблись у самого хлева. Овцы испуганно блеяли, куры заполошенно квохтали; тогда Исса, или кто в тот вечер стоял на страже, кричал и бросал головню в сторону лесной опушки, и волки разбегались. Как-то утром, пойдя за водой к ручью, я столкнулся нос к носу со старым волчарой. Он пил, но, когда я выступил из-за кустов, поднял серую морду и уставился на меня, словно приветствуя, прежде чем бесшумно исчезнуть в лесу. Я счел это добрым знаком; в ожидании Мерлина мы были особенно внимательны к предзнаменованиям.

Мы охотились на волков с собаками. Кунеглас подарил нам три пары псов – куда больше и косматее знаменитых повисских борзых, которых Гвиневера держала в Думнонии. Охота помогала моим людям взбодриться, и даже Кайнвин нравились эти долгие холодные дни в лесах. Она надевала кожаные штаны, сапоги и кожаную куртку, заплетала волосы в узел, а на грудь вешала длинный охотничий нож. Она карабкалась по камням и через поваленные деревья, увлекаемая парой собак на длинных поводках. На волков проще всего охотиться с луком и стрелами, однако мало кто из нас владел этим искусством, и мы обходились собаками, боевыми копьями и ножами. К возвращению Мерлина в кладовой Кунегласа скопилась целая кипа волчьих шкур. Король звал нас обратно в Кар-Свос, но мы с Кайнвин были счастливы в нашей маленькой долине, хоть и считали дни в ожидании Мерлина.

Да, мы были счастливы в Кум-Исафе. Кайнвин с увлечением занялась домашними обязанностями, которые прежде выполняли за нее слуги, хотя – удивительное дело – не могла свернуть шею цыпленку и всегда смешила меня тем, как убивает кур. Разумеется, кур могли бы резать служанки, да и мои копыеносцы охотно выполнили бы любую просьбу Кайнвин, но она считала, что должна работать наравне со всеми. Когда дело доходило до того, чтобы убить курицу, утку или гуся, она клала бедную птицу на землю, прижимала ее шею маленькой ножкой и, зажмурившись, решительно дергала – умора, да и только.

Куда лучше она управлялась с веретеном. Каждая британская женщина, вне зависимости от достатка, не расставалась с веретеном и пряслем, ибо превращение руна в нить – та работа, которая не кончится, пока Солнце ходит вокруг Земли. Не успевали перепрясть прошлогоднюю шерсть, как появлялась новая; женщины набирали ее в фартуки, мыли, расчесывали и снова принимались сучить нитку. Они пряли на ходу, пряли за разговором, пряли всякий раз, как выдавалась свободная минутка. Работа, монотонная и бездумная, тем не менее требовала изрядной сноровки. Поначалу у Кайнвин получались лишь жалкие шерстяные ошметки, потом она научилась прясть, хоть и не так скоро, как те, кто практиковался сызмальства. По вечерам она пересказывала мне события дня, вращая левой рукой рогульку с надетым на нее руном, а правой опуская веретено, чтобы вытягивать и сучить нитку. Когда веретено доходило до пола, нить наматывали на него, закрепляли костяной защепкой и начинали все по новой. Шерсть, которую Кайнвин напряла в ту зиму, была неровной и быстро рвалась, однако я честно носил рубашку ее работы, покуда ткань не расползлась на куски.

Кунеглас часто нас навещал, а вот его жена, Хеллед, не показалась ни разу. Королева строго блюла приличия и осуждала Кайнвин за самоволие. «Хеллед считает, что Кайнвин опозорила нашу семью», – со смехом сообщил Кунеглас. Он, как и Артур с Галахадом, стал мне ближайшим другом. Наверное, ему было одиноко в Кар-Свосе; за исключением Иорвета и нескольких молодых друидов, там не с кем было поговорить о чем-либо, кроме охоты и войны. Я заменил ему погибших братьев. Старший сын Горфиддида, которого прочили в короли,

на смерть расшибся, упав с лошади, другой брат Кунегласа умер от лихорадки, самый младший пал в бою под мечами саксов. Кунегласу, как и мне, очень не хотелось, чтобы Кайнвин отправлялась с Мерлином, однако он сказал, что остановить ее можно, только связав.

– Все считают ее кроткой и мягкосердечной, – объяснил он, – а на самом деле она упряма и несгибаема.

– Курицу убить не может.

– Куда ей! – рассмеялся Кунеглас. – Тем не менее она счастлива, Дерфель, – спасибо тебе.

То была счастливая пора, самая счастливая из всех, но на ней постоянно лежала тень – мы знали, что Мерлин придет и потребует исполнить клятву.

Он пришел морозным вечером. Я перед домом колол саксонским топором дрова, которым предстояло наполнить дымом наше жилище, Кайнвин улаживала очередную ссору между своими служанками и яростной Скарах, когда по долине прокатился звук рога – сигнал моих копейщиков, что подходит чужак. Я опустил топор и увидел за деревьями Мерлина. С ним была Нимуэ. После помолвки Ланселота она пробыла с нами неделю, потом, не сказав ни слова, выскользнула темной ночью, а сейчас вернулась – вся в черном рядом со своим одетым в белое повелителем.

Кайнвин вышла из дома. Лицо у нее было в золе, руки – в крови от зайца.

– Я думала, он приведет с собою боевую дружину, – сказала она, устремив на Мерлина взгляд голубых глаз. Так говорила нам Нимуэ: Мерлин, мол, собирает войско, которое защитит нас на Темной дороге.

– Может быть, его спутники остались у реки? – предположил я.

Кайнвин отбросила с лица прядь, размазывая кровь вместе с золой.

– Не замерз? – спросила она. (Я рубил дрова, голый по пояс.)

– Пока нет, – отвечал я, но рубаху надел.

Мерлин как раз перепрыгивал через ручей. Мои воины заинтересовались и вышли из лачуг, но когда старик шагнул под низкую притолоку, все они остались снаружи.

Мерлин, не здороваясь, прошел мимо нас в дом. Нимуэ следовала за ним. К тому времени, как мы с Кайнвин вошли, они уже сидели на корточках у огня. Мерлин протянул тощие ладони к пламени и вздохнул. Он молчал, а мы с Кайнвин не решались спросить, какие новости. Я тоже опустился рядом с очагом. Кайнвин сложила недоразделанного зайца в миску и вытерла с рук кровь, затем жестом отпустила служанок и села рядом со мной.

Мерлин сперва дрожал, потом вроде согрелся. Он долго сидел, сгорбившись и закрыв глаза. Борода поблескивала белизной, на смуглом лице пролегли глубокие морщины. Как все друиды, он выбривал переднюю половину головы, но сейчас тонзуру покрывал короткий белый пушок – очевидно, он долго был в дороге без бритвы и бронзового зеркальца. Мерлин выглядел старше обычного, а ссутуленные плечи создавали впечатление слабости.

Нимуэ молча сидела напротив. Она встала только один раз: чтобы снять Хьюэлбейн с гвоздя в потолочной балке. Когда она узнала косточки в рукояти, то улыбнулась. Нимуэ вытащила меч из ножен, подержала над дымящим очагом и, когда сталь закоптилась, соломинкой начертила на ней какие-то письмена. Не те, какими пользуемся и мы, и саксы, а древние магические черточки, которые знали лишь друиды и колдуны. Она прислонила ножны к стене и убрала меч на место, но что написала и зачем – не объяснила. Мерлин как будто ничего не замечал.

Внезапно он открыл глаза, и всякое впечатление слабости пропало.

– Проклинаю тебя, Силурия. – Он указал пальцем на огонь, и над поленьями взвился язык более яркого пламени. – Чтоб твоим посевам сгореть от засухи, а мечам – притупиться. Пусть скот твой будет неплодным, а дети – увечными.

Для него это было относительно мягкое проклятие.

– А тебя, Гвент, да настигнут летние заморозки, да подохнет твой скот и да высохнет утроба твоих женщин. – Он плюнул в огонь. – В Элмете слезы сольются в озера, мор будет косить людей, а крысы поселятся в их домах. – Он снова плюнул. – Сколько людей ты возьмешь с собою, Дерфель?

– Всех, что у меня есть. – Я замялся, не желая признаваться, как мало у меня воинов, однако деваться было некуда. – Двадцать щитов.

– А из тех, что с Галахадом? – Мерлин быстро взглянул на меня из-под кустистых белых бровей. – Сколько из них?

– У меня нет от них вестей, господин.

Он фыркнул.

– Теперь это дворцовая стража Ланселота. Так он распорядился. Сделал своего брата привратником. – (Галахад был единокровным братом Ланселота, но отличался от него решительно всем.) – Все-таки хорошо, госпожа, – Мерлин поднял глаза на Кайнвин, – что ты не вышла за Ланселота.

Она улыбнулась.

– Я тоже так считаю.

– Ланселот тяготится Силурией. Он постарается вернуться в Думнонию и станет змеей на груди Артура. – Мерлин усмехнулся. – Все думали, госпожа, что ты на время его отвлечешь.

– Я предпочитаю быть здесь. – Кайнвин обвела рукой грубые каменные стены и черный от копоти потолок.

– Он попытается тебе отомстить, – предупредил Мерлин. – Его честолюбие парит выше, чем орел Ллеу Ллау, госпожа, и Гвиневера осыпает тебя проклятиями. Она убила собаку в храме Изиы и натянула ее шкуру на хромую суку, которую назвала твоим именем.

Кайнвин побледнела, осенила себя знаком от дурного глаза и плюнула в огонь.

Мерлин передернул плечами.

– Я отвел проклятие, госпожа. – Он вытянул длинные руки и опустил голову, так что заплетенные в косицы волосы коснулись камыша на полу. – Изида – чужеземная богиня, и власть ее в этой стране невелика. – Он снова поднял голову и потер глаза. – Я пришел с пустыми руками. Никто из Элмета не вызвался идти со мной, и из других королевств тоже. Все говорят, что их копья предназначены для саксов. Я не сулил им золота, не сулил серебра, только битву за наших богов. В ответ они обещали молиться обо мне. Наслушались бабьих разговоров о детях, очаге, земле и скотине. Восемьдесят человек! Столько я хотел взять. Диурнах может собрать двести, может, чуть больше, но восьмидесяти бы мне хватило. Однако не будет и их. Все вожди присягнули Артуру. Котел, говорят они, может подождать, пока мы вернем себе Ллогр. Они грезят о саксонской земле и о саксонском золоте, а я предлагаю им холод и кровь на Темной дороге.

Наступила тишина. Полено рассыпалось в очаге, взметнув к прокопченному потолку созвездие искр.

– Никто не вызвался идти с тобой? – в ужасе переспросил я.

– Вызвались несколько человек, – отвечал Мерлин, – ненадежные. Ни один из тех, кто достоин идти за Котлом. – Он замолк и вновь показался очень усталым. – Я сражаюсь против соблазнов саксонского золота и против Морганы. Она мне препятствует.

– Моргана! – Я не мог скрыть изумление. Моргана, старшая сестра Артура, была ближайшей сподвижницей Мерлина, пока ее не потеснила Нимуэ. Я знал, что Моргана ненавидит Нимуэ, однако не подозревал, что ненависть эта распространяется и на Мерлина.

– Моргана, – без всякого выражения повторил он, – распространяет слухи, будто боги против меня, будто я погибну, и со мною – все мои спутники. Ей привиделось это во сне, а народ верит ее снам. Я стар, говорит она, слаб и выжил из ума.

– Она говорит, – тихо добавила Нимуэ, – что тебя убьет женщина, а не Диурнах.

Мерлин пожал плечами.

– Моргана ведет свою игру, которую я пока не могу разгадать. – Он порылся в кармане и вытащил пригоршню сушеных травинок. Каждая была завязана узлом. На мой взгляд, все выглядели одинаково, но Мерлин перебрал их, вытащил одну и протянул Кайнвин. – Я освобождаю тебя от клятвы, госпожа.

Кайнвин взглянула на меня, потом снова на завязанную травинку.

– Ты все равно отправишься Темной дорогой, господин? – спросила она Мерлина.

– Да.

– А как же ты отыщешь Котел, если я с вами не пойду?

Он молча пожал плечами.

– Как ты его отыщешь, даже если Кайнвин с нами пойдет? – спросил я, по-прежнему не понимая, почему Котел может найти лишь девственница и почему этой девственницей должна быть Кайнвин.

Мерлин снова пожал плечами.

– Котел, – сказал он, – всегда находится под защитой целомудренного существа. Некто девственный охраняет его сейчас, если сновидения меня не обманывают, и девственница укажет место, где он укрыт. Ты увидишь его во сне, – обратился он к Кайнвин, – если решишь пойти с нами.

– Я пойду, господин, – промолвила Кайнвин, – как обещала.

Мерлин убрал травинку обратно в карман и потер лицо длинными тощими руками.

– Выходим через два дня, – объявил он. – Напеките хлеба, упакуйте вяленое мясо и рыбу, заточите мечи и позаботьтесь, чтобы у всех была меховая одежда. – Он взглянул на Нимуэ. – Ночевать будем в Кар-Свосе. Идем.

– Можете остаться здесь, – предложил я.

– Мне надо поговорить с Иорветом. – Он встал, почти упираясь головой в потолочные балки. – Освобождаю вас обоих от клятвы, но все равно прошу идти со мной. Путешествие будет труднее, чем вы думаете, таким трудным, что вам и не снилось, ибо я решил отдать жизнь ради Котла. – Лицо его стало невероятно печальным. – В день, когда мы вступим на Темную дорогу, я начну умирать, ибо такова моя клятва. Не знаю, принесет ли она мне успех, но если поиски будут тщетными, я умру, а вы останетесь одни в Ллейне.

– С нами будет Нимуэ, – сказала Кайнвин.

– Да, и никого больше, – мрачно отвечал Мерлин. Он, пригнувшись, вышел из дома. Нимуэ последовала за ним.

Мы сидели молча. Я подбросил в огонь еще полешко. Оно было зеленое – нам приходилось топить невысушенным деревом, потому-то оно так и дымило. Некоторое время я смотрел, как дым сгущается и клубится под потолком, затем взял Кайнвин за руку.

– Хочешь погибнуть в Ллейне?

– Нет, – отвечала она. – Хочу увидеть Котел.

Я уставился в огонь.

– Мерлин наполнит его кровью, – тихо проговорил я.

Кайнвин погладила мою руку.

– В детстве я слышала рассказы о старой Британии, о том, как боги жили среди нас и все были счастливы. Не было ни голода, ни болезней, только мы, боги и мир. Я хочу вернуть эту Британию, Дерфель.

– Артур говорит, ее не вернешь. Мы те, кто мы есть, а не те, кто были когда-то.

– А кому ты веришь? – спросила она. – Артуру или Мерлину.

Я надолго задумался.

– Мерлину. – Может быть, я ответил так потому, что хотел верить в его Британию, в которой все наши горести исчезнут словно по волшебству. Британия Артура тоже мне нравилась,

но чтобы ее достичь, надо было воевать, и тяжело трудиться, и верить, что люди, с которыми хорошо обращаются, будут вести себя хорошо. Грезы Мерлина требовали меньше и обещали больше.

– Тогда мы идем с Мерлином. – Кайнвин замялась, внимательно глядя на меня. – Тебя тревожит пророчество Морганы?

Я покачал головой.

– Нет. Хотя она сильна, она не может увидеть будущее, как Мерлин и Нимуэ.

Оба они были уязвлены Тремя ранами мудрости, Моргана же претерпела рану телесную, но не ума и гордости. Впрочем, я не мог легко отмахнуться от ее пророчества, ибо Мерлин в некотором смысле бросил вызов богам. Он хотел подчинить себе их прихоти, а взамен подарить им целую землю, где не служили бы никакому иному богу. Желают ли боги покоряться? Может быть, они избрали Моргану как орудие против Мерлина, иначе откуда бы взялась такой враждебности? А может, Моргана, как и Артур, не верит в возможность вернуть Британию, исчезнувшую с высадкой римских легионов. Для Артура существовала только одна борьба – против захватчиков-саксов; он охотно поддержал бы слухи, распускаемые сестрой, ради того, чтобы ни одно британское копье не было растрчено в Ллейне. Возможно, он сам и убедил Моргану пустить этот слух, чтобы спасти жизнь нескольким думнонийцам. Но не мне, не моим людям и не моей возлюбленной Кайнвин. Ибо мы дали клятву.

Правда, Мерлин нас от нее освободил... Я снова принялся убеждать Кайнвин остаться в Повисе. Говорил, что Артур не верит в существование Котла, что римляне наверняка увезли его к себе и перелили на гребни, пряжки или монеты.

Когда я закончил, она улыбнулась и снова спросила, кому я верю – Мерлину или Артуру.

– Мерлину, – повторил я.

– И я тоже, – сказала Кайнвин. – Поэтому отправляюсь с вами.

Мы испекли хлеб, уложили еду и наточили оружие. А на следующую ночь, накануне нашего выступления, выпал первый снег.

* * *

Кунеглас дал нам двух пони. Мы нагрузили их едой и шкурами, повесили за спины украшенные звездами щиты и двинулись на север. Иорвет благословил нас, а королевские копейщики проводили до замерзшего болота за холмами к северу от Кар-Своса. Здесь они повернули назад, и мы остались одни. Я пообещал Кунегласу защищать его сестру даже ценой собственной жизни. Он обнял меня на прощание и шепотом попросил:

– Если что, убей ее, Дерфель, только не отдавай Диурнаху.

В глазах его стояли слезы, и я заколебался.

– Если ты велишь ей остаться, о король, может быть, она послушается.

– Нет, – отвечал Кунеглас, – однако она счастлива, как никогда. И потом, Иорвет сказал мне, что она вернется. Вперед, мой друг.

Он отступил на шаг. Его прощальный дар – мешочек с золотыми слитками – мы тоже погрузили на пони.

Заснеженная дорога вела на север в Гвинедд. Я никогда прежде не бывал в этом королевстве, и оно показалось мне дикой глушью. Римляне сюда добрались лишь ради добычи золота и свинца. Они не оставили следов своего пребывания и не установили здесь свой закон. Люди жили в приземистых темных лачугах за круглыми каменными валами, из-за которых на нас рычали собаки. Укрепления охраняли от злых духов насаженные на шесты волчьи или медвежьи черепа. На вершинах холмов были сложены каменные пирамидки – каирны, а через каждые несколько миль попадался кол, с которого свисали человеческие кости и обрывки тряпья.

Деревья росли редко, ручьи замерзли, некоторые перевалы занесло снегом. Мы ночевали в тесных лачугах, платя за тепло серебром или золотом, отбитым от Кунегласовых слитков.

Кайнвин и я, а также мои люди заворачивались в кишасие блохами волчьи или оленьи шкуры. У Мерлина была медвежья шуба, у Нимуэ – из выдры, куда более легкая, чем наши волчьи, однако жрица словно не замечала холода. Она одна шла безоружной. Мерлин не расставался с черным посохом – страшным оружием в бою; мои воины взяли с собою мечи и копья, даже Кайнвин несла легкое копье и охотничий нож на поясе. Она не надела золотых украшений, и люди, дававшие нам кров, не догадывались о ее высоком происхождении. Правда, они замечали светлые волосы Кайнвин и думали, что она, как и Нимуэ, служительница Мерлина. Его местные жители принимали с радостью, ибо были о нем наслышаны; даже приносили больных детей, чтобы он возложил на них руки.

Через шесть дней мы достигли Кар-Гея, где проводил зиму гвинеддский король Кадваллон. Само поселение представляло собой крепость на холме, рядом в глубокой лесистой долине стоял деревянный часток, а за ним – бревенчатые королевские палаты, службы и десятка два лачуг. С занесенных снегом крыш свисали длинные сосульки. Кадваллон оказался угрюмым стариком, а его палаты были втрое меньше Кунегласовых и сплошь заняты лежанками воинов. Те нехотя потеснились, впуская нас; для Нимуэ и Кайнвин отгородили местечко в углу. В тот вечер Кадваллон устроил для нас пир – довольно скудный, из солонины с тушеной морковью, но для него и это было роскошью. Он предложил избавить нас от лишней обузы – взять Кайнвин себе восьмой женой, однако не обиделся и не огорчился, услышав ее отказ. Семь нынешних жен жили вместе в круглой лачуге и постоянно ссорились.

Жалкое это было место, Кар-Гей. С трудом верилось, что отец Кадваллона, Кунедда, был до Утера верховным королем Думнонии. С тех славных времен Гвинедд пришел в упадок. Точно так же не верилось, что здесь, под высокими, блестящими от снега пиками, вырос Артур. Я пошел посмотреть дом, где он жил с матерью после того, как Утер ее прогнал. Земляная лачуга размером с наш дом в Кум-Исафе стояла среди заснеженных елей и смотрела на север, на Темную дорогу. Теперь в ней обитали трое копейщиков с семьями и скотом. Мать Артура была единокровной сестрой Кадваллона, который, соответственно, доводился ему дядей. Незаконный сын Утера не мог рассчитывать на особую родственную поддержку со стороны гвинеддского короля. И впрямь, перед Лугг-Вейлом Кадваллон отправил своих воинов против Артура, правда, скорее для сохранения дружбы с Повисом, чем из ненависти к Думнонии. Почти все копья Кадваллона были обращены на север, в сторону Ллейна.

Король призвал на пир наследного принца Биртига, чтобы тот рассказал нам о Ллейне. Биртиг был коренастый бородач со сломанным носом и шрамом от левого виска до подбородка. У него сохранилось всего три зуба, поэтому мясо он жевал долго и некрасиво: отщипывал единственным передним зубом маленькие кусочки и запивал их медом, пачкая бороду. Кадваллон предложил выдать Кайнвин за Биртига и вновь ничуть не опечалился отказом.

Диурнах, сообщил Биртиг, живет в Бодуэне – крепости на западе Ллейнского полуострова. Сам он – один из ирландских владык, но, в отличие от Энгуса Деметийского, составил свою дружину не из какого-нибудь одного племени.

– Он берет беженцев из-за моря и с тем большей охотой, чем они кровожаднее, – сказал Биртиг. – Ирландцы сплавляют ему всех, кто не хочет жить по тамошнему закону, а таких в последнее время прибавилось.

– Христиане, – проворчал Кадваллон и сплюнул.

– Ллейн – христианская страна? – изумился я.

– Нет! – воскликнул Кадваллон. – Однако Ирландия склонилась перед христианским богом. Те, кому это не по нутру, бегут в Ллейн. – Король вытащил изо рта осколок кости и внимательно его осмотрел. – Скоро нам предстоит с ними воевать.

– У Диурнаха стало больше людей? – спросил Мерлин.

– Так говорят, хотя оттуда мало чего слышно. – Кадваллон поднял голову на звук: с согревшейся кровли соскользнул подтаявший снег, прошуршал по соломе и мягко шлепнулся в сугроб.

– Диурнах, – беззубо прошамкал Биртиг, – хочет одного: чтобы ему не мешали. Если его не трогать, он лишь изредка тревожит наши земли. Порой он угоняет в рабство крестьян, однако на севере у нас почти никто не живет, а далеко ирландцы не суются. А вот если его дружина увеличится настолько, что Ллейн не сможет ее прокормить, Диурнах попытается завоевать новые земли.

– Инис-Мон славится плодородием, – заметил Мерлин.

Инис-Моном звался большой остров у северного побережья Ллейна.

– Инис-Мон мог бы прокормить тысячу человек, – согласился Кадваллон, – если б было кому пахать и жать... увы, все тамошние жители перебиты. Большая часть бриттов бежала из Ллейна годы назад, а те, что остались, живут в постоянном страхе. Да и вы бы испугались, приходи Диурнах за тем, что ему требуется.

– А что ему требуется? – спросил я.

Кадваллон взглянул на меня, помолчал и, пожав плечами, ответил:

– Рабы.

– И рабами, – вкрадчиво спросил Мерлин, – вы платите ему дань?

– Невысокая цена за то, чтобы жить в мире, – оправдываясь, заявил Кадваллон.

– Сколько человек вы ему отдаете?

– Сорок в год, – признал наконец Кадваллон. – По большей части осиротевших детей, иногда пленных. Впрочем, Диурнах предпочитает девушек. – Король мрачно покосился на Кайнвин. – Очень он до них жаден.

– Как и многие другие, – сухо заметила Кайнвин.

– У Диурнаха жадность особенная, – предупредил Кадваллон. – Чародеи сказали ему, что человек, обтянувший свой щит кожей девственницы, становится неуязвим в бою. – Он пожал плечами. – Не знаю, сам не пробовал.

– И вы отдаете ему детей? – укоризненно спросила Кайнвин.

– А кто еще девствен? – отвечал Кадваллон.

– Мы считаем, что к нему прикоснулись сами боги, – проговорил Биртиг, словно это объясняло страсть Диурнаха к девственницам, – ибо он как безумный. Один глаз красный. Обтягивает щиты человеческой кожей и красит кровью. Его воины так себя и зовут – Кровавые щиты.

Кадваллон осенил себя знаком от дурных сил. Биртиг продолжал:

– А иные говорят, будто он питается мясом девушек. Кто его знает? Кто ведает, на что способен безумец?

– Безумцы ближе всего к богам, – проворчал Кадваллон, вновь осеняя себя знаком от дурного глаза. Он явно трепетал перед северным соседом, что нисколько меня не удивляло.

– Некоторые безумцы – ближе, – поправил Мерлин, – но не все.

– Диурнах точно ближе, – объявил Кадваллон. – Делает что хочет и как хочет, и боги его хранят.

Я осенил себя знаком для защиты от порчи. Внезапно мне захотелось оказаться в далекой Думнонии, где есть суды, дворцы и римские дороги.

– У вас две сотни копий, – сказал Мерлин. – Вы могли бы изгнать Диурнаха из Ллейна. Сбросить его в море.

– Мы пытались, – отвечал Кадваллон. – Пятьдесят наших воинов умерли от кровавого поноса в одну неделю, еще пятьдесят дрожали от холода, сидя в собственном дерьме, а воины Диурнаха, на пони, с воплями кружили близ нашего лагеря и нападали по ночам. Мы подошли к Бодуэну и увидели стену, утыканную крюками. На них висели умирающие, которые корчи-

лись, кричали и исходили кровью. Мои воины оробели и не смогли по ней взобраться. Я тоже. А если бы мы и взяли крепость, что с того? Диурнах бежал бы на Инис-Мон, и где бы я взял корабли, чтобы его преследовать? У меня нет возможностей, чтобы сбросить Диурнаха в море, и потому я отдаю ему детей. Так дешевле. – Он велел рабыне принести еще меда, потом угрюмо взглянул на Кайнвин. – Отдайте ему ее, и он, возможно, отдаст вам Котел.

– Я ничего не дам Диурнаху за Котел, – буркнул Мерлин, – про который он к тому же не знает.

– Знает, – вставил Биртиг. – Всей Британии ведомо, зачем ты идешь на север. Думаешь, его колдуны не хотят отыскать Котел?

Мерлин улыбнулся.

– Отправь со мной своих воинов, о король, и мы вдобавок к Котлу освободим Ллейн.

Кадваллон только фыркнул.

– Диурнах приучил меня быть хорошим соседом. Я разрешу тебе пройти через мои земли, ибо боюсь, что в противном случае ты меня проклянешь, но не отправлю с тобой и одного воина, а когда твои кости засыплет ллейнский песок, скажу Диурнаху, что знать тебя не знал.

– Сообщишь ли ты ему, какой дорогой мы пойдем? – спросил Мерлин.

У нас был выбор: идти вдоль побережья либо по Темной дороге. Считалось, что зимой она непроходима. Мерлин надеялся, что мы пройдем по Темной дороге неведомо для Диурнаха и успеем вернуться с Инис-Мона раньше, чем он о нас прослышит.

Кадваллон улыбнулся – впервые за вечер.

– Диурнах уже знает. – Он взглянул на Кайнвин, чьи белокурые волосы словно озарили дымный полутемный зал. – И, без сомнения, ждет вас.

Знал ли Диурнах, что мы собрались идти Темной дорогой? Или Кадваллон лишь строил догадки? На всякий случай я все-таки сплюнул. Приближался солнцеворот, самая длинная ночь в году, когда жизнь замирает, надежда гаснет и демоны владеют в воздухе. Нам предстояло провести эту ночь на Темной дороге.

* * *

На следующее утро сияло солнце, ослепительная белизна снежных шапок резала глаза. Небо почти расчистилось, сильный ветер гнал по заснеженной равнине, вздымая искристые белые облачка. Мы сели на пони, приняли прощальный дар Кадваллона – овчины, которые он вручил нам с большой неохотой, и двинулись к Темной дороге, берущей начало от северной стены Кар-Гея. Вдоль нее не было ни лачуг, ни скотных дворов, вообще никакого пристанища; она вилась меж дикими горами, ограждающими земли Кадваллона от Диурнаха. Начало ее отмечали два шеста, увенчанных человеческими черепами. С тряпья, которыми были обвязаны черепа, свисали звеневшие на ветру сосульки, пустые глазницы смотрели на север. То были обереги, призванные защитить город от угрозы со стороны гор. Когда мы проходили между ними, Мерлин коснулся железного амулета на груди, и я вспомнил страшные слова о том, что он начнет умирать с первого шага по Темной дороге. Сейчас, скрипя подошвами по нетронутomu снегу, я вглядывался в его лицо и не видел никаких тревожных признаков, однако знал, что пророчество начало сбываться. Мы шли весь день, взбирались на холмы, скользили по обледеневшему снегу, брели, окутанные морозным дыханием. Заночевали в брошенной пастушьей лачуге, под худой крышей из старых бревен и подгнившей соломы. Огонь, который мы развели внутри, бросал слабые отблески в темную снежную ночь.

На следующее утро не прошли мы и четверти мили, как сзади донеслись звуки рога. Мы обернулись и, глядя из-под ладони, увидели цепочку людей на седловине холма, которую

только что оставили позади. Их было пятнадцать, с копьями, мечами и щитами; поняв, что мы их заметили, они побежали вперед, скользя по склону и взметая фонтаны снега.

Мои люди, не дожидаясь приказа, выстроились в цепочку, сняли щиты и опустили копья, образовав заслон поперек дороги. Обязанности Кавана я поручил Иссе; сейчас он велел воинам встать поровнее, но не успели отзвучать его слова, как я узнал рисунок на одном из приближающихся щитов. Крест. Лишь один из тех, кого я знал, носил на щите христианский символ – Галахад.

– Свои! – крикнул я Иссе и побежал. Теперь я отчетливо видел приближающихся людей: то были мои воины, которых отправили в Силурию и принудили служить дворцовой стражей у Ланселота. На щитах у них был Артуров медведь, но впереди бежал Галахад с крестом на щите. Он размахивал руками и кричал, я тоже, так что мы друг друга не слышали, пока не встретились и не обнялись.

– О принц! – приветствовал я его и вновь заключил в объятия, ибо из всех друзей он был мне самым близким.

Галахад, белокурый и широколицый, являл полную противоположность своему единокровному брату Ланселоту. Как и Артур, он с первого взгляда внушал доверие. Будь все христиане такими, я бы крестился уже тогда.

– Мы провели ночь за хребтом, – он указал назад, – и чуть не окоченели. А вы небось ночевали там? – Галахад махнул в сторону дымка, еще поднимавшегося над нашим временным пристанищем.

– В сухости и тепле, – отвечал я.

Новоприбывшие бурно приветствовали старых товарищей. Я обнял каждого и назвал их имена Кайнвин. Один за другим они преклонили колени и поклялись ей в верности. Все знали, что она сбежала ко мне с помолвки, и теперь протягивали ей мечи, чтобы она коснулась их своими королевскими пальчиками.

– А где остальные? – спросил я Галахада.

– Отправились к Артуру. – Он скривился. – Увы, из христиан не пришел ни один. Кроме меня.

– Думаешь, языческий Котел стоит таких испытаний? – спросил я, указывая на холодную дорогу.

– Там, впереди, Диурнах, – сказал Галахад, – а я слышал, что он – самое гнусное из дьяволовых отродий. Долг христианина – бороться со злом, потому я здесь.

Галахад приветствовал Мерлина и Нимуэ, затем, по праву равного, обнял Кайнвин – ведь он был принц, а она – принцесса.

– Ты счастливица, – шепнул он ей на ухо.

Она с улыбкой поцеловала его в щеку.

– Тем большая, что теперь с нами ты, о принц.

Галахад отступил на шаг и посмотрел сперва на меня, потом на Кайнвин.

– Так и есть. Вся Британия только о вас и говорит.

– Всей Британии больше делать нечего, как языком чесать, – буркнул Мерлин во внезапном приступе сварливости. – А нам надо трогаться в путь, как только вы закончите точить ляды.

Старик сильно осунулся за последние два дня и сделался раздражительным. Я пытался списать это на тяготы пути и не думать, что его страшные слова начали сбываться.

Путь через горы занял еще два дня. Темная дорога была не длинной, но трудной. Она взбиралась на крутые склоны и змеилась по узким ущельям, в которых каждый звук глухим эхом отдавался от обледеленных стен. Вторую ночь мы провели в брошенном поселении: несколько круглых каменных лачуг прятались за стеной в рост человека, на которую поставили трех дозорных. Дров здесь было не сыскать, поэтому мы сидели, плотно прижавшись друг к другу, рассказывали истории, пели и старались не думать о Кровавых щитах. Галахад поведal

нам, что творится в Силурии. Его брат не захотел обосноваться в столице Гундлеуса Нидуме, поскольку это слишком далеко от Думнонии, а самое роскошное здание там – обветшалые римские казармы. Он перебрался в Иску – старую римскую крепость на берегу реки Уск. Это самая граница Силурии, всего на расстоянии броска камня от Гвента и ближе всего к Думнонии.

– Ланселоту нравятся мозаичные полы и мраморные стены, – сказал Галахад, – а в Иске такого добра предостаточно. Он собрал там всех друидов Силурии.

– В Силурии нет друидов, – проворчал Мерлин. – Во всяком случае, дельных.

– Тех, кто зовет себя друидами, – терпеливо продолжал Галахад. – Двух он особенно ценит и платит им за проклятия.

– Проклятия мне? – спросил я, трогая стальную рукоять Хьюэлбейна.

– В числе прочих. – Галахад взглянул на Кайнвин и перекрестился, потом, желая нас успокоить, добавил: – Со временем он забудет.

– В могиле он забудет, вот когда, – заметил Мерлин, – да и тогда пронесет свою злобу через мост из мечей. – Старик пожегся, но не от страха перед Ланселотом, а от холода. – Кто эти «друиды», которых он так ценит?

– Внуки Танабурса, – отвечал Галахад.

Как будто ледяная рука стиснула мне сердце. Я убил Танабурса, и его предсмертное проклятие по-прежнему тяготело надо мной.

На следующий день мы продвигались медленно, из-за Мерлина. Он уверял, что здоров, и отказывался от помощи, хотя часто спотыкался и тяжело, с усилием дышал, а лицо его пожелтело и осунулось. Мы надеялись засветло миновать последний перевал, однако уже начало смеркаться, а мы еще продолжали подъем. Весь вечер Темная дорога взбиралась вверх; впрочем, язык с трудом поворачивается назвать дорогой каменистую тропку, прыгающую туда-сюда через замерзший ручей с наростами льда на месте многочисленных водопадов. Пони то и дело спотыкались, а порою и вовсе отказывались идти; казалось, мы не столько ведем их, сколько подталкиваем. Наконец, когда на западе гас последний свет дня, мы выбрались на перевал. Все было так, как привиделось мне на вершине Долфорвина – так же блекло и холодно, хотя черный демон и не преграждал нам путь. Темная дорога круто спускалась к предгорьям и побережью.

А дальше лежал Инис-Мон.

Я никогда не видел священный остров. Слышал о нем с детства, знал о его могуществе, оплакивал его разорение римлянами в Черный год, но ни разу не видел, кроме как во сне. Сейчас, в морозных сумерках, он ничуть не походил на прекрасное видение. Под нависшими тучами большой остров выглядел мрачным и устрашающим, тусклый блеск темных озер лишь усиливал зловещее впечатление. Снега там почти не было, только утесы над серым бесприютным морем слегка присыпало белым. При виде острова я бухнулся на колени, как и все мы, за исключением Галахада. Даже он, постояв немного, из уважения преклонил одно колено. Как все христиане, он мечтал совершить паломничество в Рим или даже в далекий Иерусалим, если такой город и впрямь существует, однако Инис-Мон был нашим Римом и нашим Иерусалимом, и теперь мы видели его святой берег.

А еще мы были в Ллейне. Неотмеченная граница осталась позади, и редкие поселения внизу принадлежали уже Диурнаху. Над крышами среди припорошенных снегом полей поднимались дымки, однако ни одна живая душа не двигалась на темной равнине. Остальные, наверное, подобно мне, задумались, как мы попадем на остров.

– Там есть перевозчики, – сказал Мерлин, читая наши мысли. Из нас всех он один побывал на острове – давным-давно, еще до того, как узнал о существовании Котла. Тогда этими землями правил Леодеган, отец Гвиневеры. Потом из Ирландии приплыл Диурнах и выбросил Леодегана вместе с дочерьми из их королевства.

– Утром, – продолжал Мерлин, – мы спустимся на берег и договоримся с перевозчиками. К тому времени, как Диурнах узнает, что мы достигли его земель, нас здесь уже не будет.

– Он последует за нами на берег, – встревоженно заметил Галахад.

– А нас и там уже не будет. – Мерлин чихнул. Он выглядел ужасно простуженным: лицо бледное, из носа течет. Временами его бил озноб, но он вытащил из кожаной сумки пригоршню пыльных трав, проглотил их с растопленным снегом и объявил, что вылечился.

На следующее утро он выглядел еще хуже. Мы переночевали в расщелине между скал, страшась разводить огонь, хотя Нимуэ и навела на нас заклятие невидимости при помощи кошачьего черепа на шесте, который мы отыскивали выше в горах. Наши дозорные вглядывались в прибрежную равнину, где поблескивали огнями три деревушки, а мы сидели в расщелине, прижавшись друг к другу, проклинали холод и ждали утра. Наконец забрезжил слабый, мертвенный свет, в котором далекий остров показался еще более зловещим. Однако чары Нимуэ, по всей видимости, действовали – Темную дорогу не сторожил ни один воин.

Мерлин весь трясся и от слабости не мог даже идти. Четверо моих воинов уложили его на носилки из копий и плащей, и мы двинулись вниз к кривым низкорослым деревцам. Дорога – разбитая, в замерзших колдобинах – вилась между искореженными дубами, чахлыми остролистами и маленькими заброшенными полями. Мерлин стонал и трясся. Исса спросил, не повернуть ли нам назад.

– Еще один переход через горы точно его убьет, – ответила Нимуэ. – Так что идем дальше.

Мы добрались до развилки и увидели первый след Диурнаха на этой земле: человеческий скелет. Связанный веревками из конского волоса, он болтался на шесте, и сухие кости стучали под резкими порывами ветра. Под человеческими костями к шесту были прибиты три дохлые вороны; Нимуэ обнюхала их, чтобы понять, какая магия тут задействована.

– Мочись! Мочись! – выговорил Мерлин с носилок. – Скорее, девонька! Мочись!

Он надсадно закашлялся и, приподняв голову, сплюнул мокроту.

– Я не умру, – сказал он себе. – Не умру!

Потом откинулся на носилки. Нимуэ тем временем присела на корточки под шестом.

– Он знает, что мы здесь, – предупредил меня Мерлин.

– Он здесь? – спросил я, наклоняясь к носилкам.

– Кто-то здесь точно есть. Будь начеку, Дерфель.

Мерлин закрыл глаза и вздохнул.

– Я так стар, – тихо проговорил он, – так ужасно стар. А здесь повсюду разлито зло. – Он потряс головой. – Доставьте меня на остров. Больше ничего не надо. Котел все исцелит.

Нимуэ закончила справлять нужду, и мы подождали, чтобы увидеть, в какую сторону поплывет пар от ее мочи. Ветер понес его вправо, и мы сочли это знаком. Прежде чем тронуться дальше, Нимуэ подошла к одному из пони, вытащила из седельной сумы пригоршню чертовых пальцев и орлиных камней и раздала их воинам.

– Защита, – объяснила она, кладя бурый каменный желвак в носилки Мерлину. – А теперь – вперед.

Мы шли все утро, медленно, из-за необходимости нести носилки. Местность как вымерла, и безлюдье внушало страх. Мы видели рябину и красные ягоды остролиста, дроздов и малиновок на ветвях, но не было ни коров, ни овец, ни людей.

И все же в этом мертвом краю обитали люди. Мы поняли это, когда остановились на привал в ложбинке, у ручья, бегущего между обледелыми берегами под низкорослым кривым дубняком. Заиндевелые ветки сплетались в причудливый полог; под ним мы и сидели, покуда меня не окликнул Гвилим, один из копейщиков, поставленный нести дозор.

Я подошел к опушке дубняка и увидел, что в предгорьях горит костер. Самого пламени было не разглядеть, но по ветру стлался густой серый дым. Гвилим указал на него копьем и сплюнул, чтобы отвратить дурное.

Галахад подошел и встал рядом со мной.

– Сигнал? – спросил он.

– Вероятно.

– Так они знают, что мы здесь? – Он перекрестился.

– Да. – К нам присоединилась Нимуэ. Она несла тяжелый посох Мерлина и единственная из всех бурлила энергией. Мерлина подкосила болезнь, нас обуревали страхи, и только Нимуэ с каждым шагом вглубь Диурнаховых земель все больше воодушевлялась, как будто близость Котла распалила ее внутренний огонь. – Они за нами наблюдают.

– Можешь нас спрятать? – спросил я, имея в виду заклятие невидимости.

Она мотнула головой.

– Это их земля, Дерфель, и здесь сильны их боги. – Она оскалилась, видя, что Галахад вновь осеняет себя крестом. – Твой пригвожденный бог не одолеет Кром Даба.

– Он здесь? – со страхом переспросил я.

– Или кто-то ему подобный, – отвечала Нимуэ.

Кром Даб, увечное и злобное божество, внушало неизреченный ужас. Говорили, что остальные боги его сторонятся. Значит, на их защиту рассчитывать не приходилось.

– Так мы обречены, – промолвил Гвилим.

– Глупец! – зашипела на него Нимуэ. – Мы обречены, только если не сумеем отыскать Котел. А тогда мы в любом случае обречены. Собираешься все утро пялиться на дым? – спросила она меня.

Мы двинулись дальше. Мерлин уже не мог говорить и постоянно клацал зубами, хоть и завернулся в меха.

– Он умирает, – спокойно сказала мне Нимуэ.

– Надо разыскать укрытие и развести огонь, – предложил я.

– Чтобы не замерзнуть, пока воины Диурнаха будут нас убивать? – фыркнула она. – Мерлин умирает, потому что близок к исполнению своей мечты и потому что заключил сделку с богами.

– Жизнь в обмен на Котел? – спросила Кайнвин.

– Не совсем так, – признала Нимуэ. – Покуда вы двое вили себе гнездышко, мы посетили Кадер Идрис. Принесли жертву, как встарь, и Мерлин предложил свою жизнь в уплату не за Котел, а за путешествие. Если мы найдем Котел, он останется жив, а если не найдем, то умрет, и душа принесенного в жертву получит власть над его душой.

Я знал, какие жертвы приносили встарь, хотя не слыхал, чтобы такое происходило в наше время.

– Кого вы убили? – спросил я.

– Ты его не знаешь. Просто человека, – решительно отрезала Нимуэ. – Его тень здесь, следит за нами и желает нам поражения. Она хочет, чтобы Мерлин умер.

– Что, если Мерлин все равно умрет? – спросил я.

– Типун тебе на язык! Не умрет, если мы отыщем Котел.

– Я его отыщу, – дрожащим голосом произнесла Кайнвин.

– Отыщешь, – уверенно ответила Нимуэ.

– Как?

– Тебе приснится сон, который приведет нас к Котлу, – пообещала Нимуэ.

А Диурнах, как понял я, когда мы дошли до пролива, отделяющего остров от материка, хочет, чтобы мы отыскили свое сокровище. Судя по сигнальному костру, его люди за нами наблюдали, но не пытались нас остановить. Это означало, что Диурнах знает о цели нашего путешествия и рассчитывает захватить Котел, когда мы двинемся обратно. Иначе он не позволил бы нам добраться до острова.

Пролив был неширокий, но опасный. Серая вода бурлила и пенилась, завивалась в стремительные водовороты и взмывала брызгами на незримых подводных камнях. И все же море не так пугало, как дальний берег – пустой, черный и бесприютный, он словно стремился высосать

из нас душу. Я поежился, глядя на поросшие травой склоны, и невольно подумал о Черном дне. Тогда римские легионеры стояли на этом же каменистом побережье, а друиды, столпившись напротив, призывали на головы чужеземцев кару богов. Проклятия не возымели успеха, римляне переправились через пролив и уничтожили друидов. Теперь мы пришли на то же самое место, движимые отчаянной надеждой обратить время вспять, вычеркнуть столетия горя и лишений и вернуть Британию блаженной доримской поры. То была бы Британия Мерлина, Британия под покровительством богов, Британия без саксов, полная золота, пиршественных залов и чудес.

Мы прошли на восток к самой узкой части пролива и здесь, за скалистым мысом, под земляным валом полуразрушенной крепости увидели две вытащенные на гальку лодки. Человек десять местных сидели у лодок, словно поджидая нас.

– Перевозчики? – спросила меня Кайнвин.

– Лодочники Диурнаха, – сказал я и коснулся стальной рукояти Хьюэлбейна. – Он хочет, чтобы мы переправились. – Мне стало не по себе от мысли, что король облегчает нам переправу.

Лодочники ничуть нас не испугались. Они были коренастые, обветренные; в бородах и на толстой шерстяной одежде блестела засохшая рыба чешуя. Оружия я не заметил, если не считать острог и ножей для разделки рыбы. Галахад спросил, не видели ли они воинов Диурнаха. Лодочники лишь пожали плечами, не понимая его слов. Нимуэ обратилась к ним на своем родном ирландском. Лодочники уверили ее, что Кровавых щитов не видели, но объявили, что придется ждать прилива – только тогда переправа станет безопасной.

Мы уложили Мерлина в одну из лодок, затем я, прихватив с собой Иссу, поднялся на стену заброшенной крепости и огляделся. Над рощицей низкорослых дубов поднимался второй столб дыма, однако в остальном ничто не изменилось и врагов было не видать. Впрочем, и не видя окрашенных кровью щитов, мы знали, что они здесь. Исса тронул наконецник копья.

– Сдается мне, господин, – сказал он, – что на Инис-Моне и умереть не жаль.

Я улыбнулся.

– Все-таки лучше остаться на нем в живых.

– Ведь если мы умрем на святой земле, нашим душам будет хорошо? – озабоченно спросил он.

– Да, – отвечал я, – и мы с тобой вместе пройдем по мосту из мечей.

А Кайнвин, пообещав я, будет идти впереди нас, ибо я убью ее, но не отдам в руки Диурнаха. Я вытащил Хьюэлбейн, все так же покрытый копотью, на которой Нимуэ начертала свое заклатье, и указал на Иссу острием.

– Дай мне клятву, – приказал я.

Исса опустил на одно колено.

– Говори, господин.

– Если я погибну, а Кайнвин будет жива, убей ее, но не отдавай людям Диурнаха.

Он поцеловал острие меча.

– Клянусь, господин.

С приливом водовороты исчезли, море стало спокойнее. Волны подняли лодки с галечного берега. Мы погрузили пони, потом уселись сами. Лодки были длинные и узкие; как только мы устроились между склизкими сетями, перевозчики знаками велели нам вычерпывать воду, сочащуюся в щели осмоленных бортов. Мы принялись шлемами выливать холодную влагу обратно за борт. Я молился Манавидану, морскому божеству, чтобы тот нас уберег. Лодочники вставили весла в уключины. Мерлина колотило. Лицо его, и без того бледное, от качки стало изжелта-белым. Он что-то невнятно бормотал в бреду.

Лодочники, взявшись за весла, затянули песню, но на середине пролива умолкли и перестали грести. По одному человеку в каждой лодке указали назад.

Мы обернулись. Сперва я увидел лишь темную кромку берега под припорошенными снегом горами, затем различил рваное черное пятно. Оно приближалось, и я понял, что это стяг, вернее даже – привязанные на палку, плещущие на ветру обрывки ткани. И сразу за ним на каменистом берегу показалась цепочка воинов. Они смеялись над нами, холодный ветер доносил их гогот сквозь плеск волн. Все сидели на косматых пони и были одеты в какие-то черные лохмотья, наподобие длинных лент, которые хлопали на ветру, как вымпелы. Каждый держал в руках щит и длинное ирландское копье, но меня испугало другое – что-то в самом их облике, в длинных, развеваемых ветром космах. А может, меня бросило в холод не от страха, а от промозглого косого дождя, покрывшего рябью серые волны.

Черные косматые всадники смотрели, как наши лодки достигли острова. Гребцы помогли нам выгрузить на берег Мерлина и пони, после чего повернули обратно в море.

– Разве нам не надо было их задержать? – спросил меня Галахад.

– Пришлось бы разделиться: кому-то остаться здесь и стеречь лодочников, а кому-то идти с Кайнвин и Нимуэ.

– Как же мы выберемся с острова? – не отставал Галахад.

– С Котлом, – объявил я, подражая уверенности Нимуэ, – возможно все.

Другого ответа я дать не мог, а правду сказать не решался. На самом деле я считал, что мы обречены. Мне чудилось, что проклятия древних друидов сгущаются вокруг нас.

Мы двинулись на север от берега. Чайки, пронзительно крича, носились над нашими головами. Мы взобрались по камням на серое вересковье, усеянное редкими каменными выступами. В старые дни, до того, как сюда пришли римляне, Инис-Мон покрывали священные дубы, под которыми свершались величайшие мистерии Британии. Вести об этих обрядах управляли временами года в Британии, Ирландии, даже в Галлии, ибо здесь боги сошли на землю, и здесь связь между ними и человеком была сильнее всего, покуда римляне не разрубили ее своими короткими мечами. Земля эта оставалась священной, но какой же труднопроходимой она стала! Примерно через час мы вышли к болоту и двинулись вдоль него в надежде отыскать дорогу. Увы. Смеркалось, близилась ночь. Прощупывая путь древками копий, мы начали пробираться по поросшим жесткой травой кочкам. Ноги засасывала подмерзшая жижа, дождь заливал под меховую одежду. Один из пони увяз, остальные запаниковали; пришлось их бросить, а груз взвалить на себя.

Несколько раз мы отдыхали, уложив круглые щиты, как лодочки, на зыбкую болотную почву, пока жижа, затекая внутрь, не понуждала нас вновь подняться. Дождь усилился, ветер гнул болотную траву и пробирал до костей. Мерлин выкрикивал непонятные слова и мотал головой из стороны в сторону. Некоторые мои люди ослабели от холода и явной враждебности богов, правящих этой загубленной землей.

Нимуэ первой выбралась на край болота. Она прыгала с кочки на кочку, выбирая для нас путь, потом достигла твердой почвы и на минуту застыла, прежде чем указать Мерлиновым посохом туда, откуда мы пришли.

Мы обернулись и увидели черных воинов, только теперь их стало куда больше: целая орда Кровавых щитов смотрела на нас с другой стороны болота. Три изодранных стяга колыхались на ветру; один качнулся в глумливом приветствии, после чего всадники повернули на восток.

– Мне не следовало тебя сюда брать, – сказал я Кайнвин.

– Это не ты меня взял, – отвечала она. – Я пошла сама. – Она рукавичкой коснулась моего лица. – И мы вернемся отсюда так же, как и пришли, милый.

Мы выбрались из болота и обнаружили за перегибом склона зажатые между неровной возвышенностью и скальными выступами поля. Надо было где-то укрыться на ночь. Мы разыскали восемь каменных хижин, обнесенных стеной в высоту копья. Здесь явно жили люди: хижины были чисто выметены, зола в очагах еще не остыла, однако хозяева куда-то подевались. Сняв дерн с одной из крыш, мы порубили перекрытие на дрова и развели огонь для Мер-

лина, который трясся в ознобе и бредил. Поставили дозорных, потом, раздевшись, принялись сушить одежду и обувь.

Когда почти совсем стемнело, я выбрался на стену и огляделся. Местность казалась совершенно безлюдной. Вместе с тремя воинами я стоял на часах первую половину ночи, затем нас сменили Галахад и трое других копьеносцев. Из дождливой тьмы доносились лишь завывания ветра да потрескивание огня в хижинах. Мы ничего не видели, ничего не слышали, однако, едва забрезжил рассвет, обнаружили на стене истекающую кровью баранью голову.

Нимуэ со злостью столкнула ее вниз и, вскинув голову к небесам, издала пронзительно-грозный крик. Она взяла мешочек серого порошка, присыпала им свежую кровь, постучала по стене Мерлиновым посохом и сказала нам, что отвела зло. Мы поверили ей, потому что хотели верить – как и в то, что Мерлин не умрет. Он был смертельно бледен, еле дышал и не издавал ни звука. Мы попытались накормить его последними крошками хлеба, но он их выплюнул.

– Котел надо отыскать сегодня, – спокойно объявила Нимуэ, – пока Мерлин еще жив.

Мы распределили груз, забросили щиты за спину, взяли копья и двинулись на север.

Нимуэ шла впереди. Мерлин рассказал ей все, что знал о святом острове; она вела нас, следуя его указаниям. Вскоре после того, как мы покинули убежище, показались Кровавые щиты. Чем ближе мы были к цели, тем меньше они таились; не менее двадцати всадников постоянно гарцевали у нас на виду, а порою их число достигало пятидесяти-шестидесяти. Они держались поодаль, опасаясь наших копий. Дождь к рассвету перестал, лишь пронизывающий сырой ветер забирался под одежду и трепал черные изорванные стяги наших преследователей.

Сразу после полудня мы вышли к месту, которое Нимуэ назвала Ллин-Керриг-Бах – озеро Маленьких Камней. Здесь, у черного озерца в окружении болот, как объяснила Нимуэ, бритты совершали главные свои церемонии, и здесь, в этой неприглядной низине, нам предстояло отыскать величайшее из сокровищ Британии. На западе лежал узкий проливчик, за которым виднелся еще один остров, на севере и на юге – луга и скальные выступы, а на востоке поднимался вверх крутой склон холма, увенчанного серыми глыбами, неотличимыми от множества других, виденных нами по всему острову.

Мерлин лежал как мертвый. Я встал рядом на колени, приблизил ухо к его лицу и различил слабое хриплое дыхание. Коснулся лба – он был холоден. Я поцеловал его в щеку и прошептал:

– Живи, господин. Живи.

Нимуэ велела одному из моих людей воткнуть в землю копье. Он вогнал острие в жесткую почву, Нимуэ набросила на древко несколько плащей и, придавив края камнями, получила некое подобие шатра. Темные всадники взяли нас в кольцо, но держались поодаль.

Нимуэ, порывшись в своей одежде, вытащила серебряный кубок, из которого я пил на Долфорвине, и запечатанную воском бутылочку. Потом юркнула в палатку и жестом позвала Кайнвин за собой.

Я стоял и ждал. Ветер гнал по озеру темную рябь. Внезапно Кайнвин вскрикнула, как от боли. Потом снова. Я рванулся к палатке, но Исса с копьем в руке преградил мне путь. Галахад, которому, как христианину, не полагалось ни во что такое верить, встал рядом с Иссой и пожал плечами.

– Мы забрались в такую даль, – сказал он, – поздно отступать.

Кайнвин снова вскрикнула, и на этот раз Мерлин отозвался глухим жалобным стоном. Я встал рядом на колени и погладил его лоб, стараясь не думать об ужасах, которые видит Кайнвин в темной палатке.

– Господин! – окликнул меня Исса.

Я обернулся и увидел, что он смотрит на юг. К кольцу Кровавых щитов присоединились новые всадники. Почти все они были на пони, и только один восседал на тощем вороном коне.

Я понял, что это Диурнах. Позади колыхался его стяг: шест с перекладиной, на которой болтались два черепа и пук черных лент. Сам король был в черном плаще, вороного коня покрывала черная попона. Подняв черное копье острием к небу, Диурнах медленно ехал к нам – один, его спутники дожидались в отдалении. В нескольких шагах от нас он повернул щит, показывая, что не хочет сражения.

Я двинулся ему навстречу. В палатке, которую мои люди окружили защитным кольцом, стонала и вскрикивала Кайнвин.

Король был в плаще поверх черных кожаных доспехов и без шлема. Щит его покрывала короста запекшейся крови; я догадался, что кожа, которой он обтянут, содрана с девственной рабыни. Диурнах повесил свой жуткий щит рядом с длинными черными ножнами, остановил коня и упер копье в землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.